

Л. Довыденко. Нежная голубизна колючки. –
К., 2006, ISBN 5-98777-009-2
Рассказы и повесть

Оглавление

1. У рыбацкого костра
2. Голубка
3. Житейское море
4. Песня об учителе в прозе
5. Сломанная яблоня
6. До свидания, избыточность.
7. Маленькая розовая долина
8. Прыжок «дельфинчиком»
9. Патрон в рукаве
10. Гранаты и пирожки с мороженым
11. Под небом Вальдбурга. Повесть

У РЫБАЦКОГО КОСТРА

Провести ночь у рыбацкого костра давно мечталось мне, человеку, ни разу не державшему удочки в руках, движимому лишь жаждой ощущения новизны, свежести романтических впечатлений, захватывающих рассказов об особенностях и секретах рыбной ловли на побережье Балтийского моря и Калининградского залива.

Я опасалась, что моя неискушенность смоет меня в глазах собеседников, как волна песчинку, мои вопросы и просьбы рассказать о необыкновенных случаях, особенно удачных ловах будут похожи на скатывание с ледяной горки, а присутствие у костра будет звучать условно, как слабое согласие рыбаков развлечь меня.

Приготовившись к заданности усмешки над собой и к прятанию в самоиронию, как в теплый свитер, я оказалась в царстве естественности, схожей с помпейскими фресками, без ухищрений и напластований.

Рыба и овощи ласкали желудок. В речах моих товарищей сквозило наслаждение от пережитого ими во время рыбалки, странным образом перетекавшее и в мои артерии. Плескался смех, как неторопливая балтийская волна. Казалось, небо, деревья, кустарники подвинулись ближе к костру, молча приникли ухом к неприхотливой мужской беседе.

- Полесские рыбаки говорят, что лещ у нас вкуснее. У них он посуше, а у нас пожирнее, - говорит Володя Смирнов, легко и бережно поворачивая на прутьях над унявшимся костром лещей, выловленных почти только что: лещ к Балтийской косе подошел только к ночи.

- Володя, сколько тебе лет как рыболову? - задаю вопрос я.

- Свыше тридцати. Начинал в Зеленоградске, бегал на море, на залив, на карьер. Страсть к рыбалке там родилась. А с 14 лет живу в Балтийске. Здесь уже с ночевкой стал рыбачить.

- А вы слышали? У поселка Янтарного в море один предприниматель карася поймал, представляете? - спросил тихий и застенчивый Николай Чагов, блестя глазами цвета моря на закате.

- А что, одни рыбы исчезают, другие появляются, - поворачиваясь и занимая более удобное положение, произносит Иван Петрович Чистов, любящий, чтобы его называли просто Петрович. - Вот бычки из Черного моря к нам стали перебираться. За последние двадцать лет климат потеплел, и бычки у нас уже года два как стали появляться. А вот рыбец исчез, - со вздохом продолжил Петрович. - Рыбец знаете? Рыба жирная такая, на подлещика похожа, только подлиннее, костей многовато, но вкусная. Из нее раньше рыбий жир делали.

- А почему не стало рыбца? - уточняю я.

- Да много причин: экология, сети, браконьеры, танкеры с нефтью... Мазут в воде благодаря кому? - вопросом на вопрос отвечает Петрович. - Вон в море нефтяная вышка видна. Говорят, расконсервировать хотят. И так с каждым годом рыбы все меньше, а тогда и этого не будет.

Тема экологии беззвучным полуночным звоном повисла в ушах.

Купаясь в теплом воздухе костра, укутанный вечностью, ты не в силах переварить чью-то бурную деятельность, отбирающую у тебя эту вечность. Кто и как раскачивает их сознание для новой прибыли? Какой силы нужен сквозняк, чтобы проветрить мозги забывчивому человечеству?

Вопросы парили над нашим костром, сгущаясь и переходя в некую квинтэссенцию, отозвавшуюся рыбьим всплеском: человечество заслуживает лучшего.

Володя, расскажи, как ты ловишь судака, - прошу я, прерывая тишину.

Судак идет на балберу. Это круглый кусочек пенопласта, к нему - леска и груз. На крючке - салака, нарезанная кусочками. Однажды я судака поймал весом шесть, а может быть и семь килограммов. Я вообще-то больше люблю рыбачить в заливе. Там верхоплавка на удочку ловится, небольшая рыбка, плотвичку напоминает. Красноперка прямо на мели в камышах резвится. Заходишь в воду по колено и ловишь. Но с заморозками она на глубину уходит. Вяленая красноперка - это моя страсть. Один раз в Зеленоградске я жериха поймал на пять килограммов на волнорезах, в прошлом году, в конце июля. Жерих похож на леща, но это более вытянутая рыба, очень вкусная.

Володя помолчал и продолжил:

- Зимой, ближе к весне, корюшка появится, она свежим огурцом пахнет. Весной на дамбу канала хожу. В апреле - мае там камбала ловится. Лещ - в конце июля, в августе, в сентябре на удочку и на спиннинг на червяка берет. Однажды я леща поймал на пять кило двести. А в прошлом году в октябре у Камстигалия из канала угря вытащил весом один килограмм девятьсот граммов.

- А ты знаешь, как немцы тут угря добывали? - спросил Петрович, и мы все вопросительно на него посмотрели. - Они у залива заседали участки горохом, который для угря - лакомство. Ночью, когда выпадет роса, он из залива перебирался в гороховое поле, а к утру немец дерен поднимет корневищем вверх, по периметру поля лунку проделает, угорь на почве и застрянет. Больших угрей они собирали, а мелких в залив отпускали.

Володя стал возражать:

- Я не видел, чтобы угорь из воды выползал. Есть, конечно, угорь морской, заливной, озерный. Я знаю, что морской угорь толще и короче и по цвету светло-коричневый, а заливной - тоньше, длиннее и черного цвета. Полесские рыбаки говорят, что у них угорь вкуснее, чем у нас. Вообще, угорь - очень сильная рыба. Однажды летом ох и измучил он меня. Минут десять я пытался вытащить его. Рыбина и сама извелась, и меня извела. Только станет леску обрывать, я катушку спиннинга отпускаю, потом придержу. Подтащил к берегу и волоком его уже тянул.

Николай, подбросив сучьев в костер, начал укладываться поудобнее, а говорить начала Валентина:

- Моя рыболовная биография началась в девять лет в деревне на Брянщине. В начале шестидесятых годов мама летом отвезла меня к бабушке, и я ловила рыбу в маленькой неглубокой прозрачной речке обыкновенной столовой вилкой. Бабушка жарила мне на сковородке эту небольшую серую рыбку и называла ее сибиль. Но теперь я люблю порыбачить с удочкой. И не столь важно, поймала я или нет, но важно для меня обрести покой, полюбоваться цветом воды, отражающимся в ней небом. А рыба мне нравится, прежде всего, тем, что она молчит. Больше всего я ценю безголосье, даже безмолвие, оно мне отрадно. Вот рыба клюнула, я ее вытащила, снова забрасываю удочку и вновь наслаждаюсь покоем. Дома чистить рыбу я ужасно не люблю, а готовлю охотно. Хотя рыб мне всегда немного жаль.

- А вы знаете, как отличить любителя-рыболова от профессионала? - спросил Григорий. Все молчали, и он продолжил. - Настоящий рыбак никогда не скажет, сколько он поймал штук, он скажет, сколько килограммов. Для меня же важен не столько сам процесс ловли рыбы, а предвкушение рыбалки. Какое наслаждение - готовиться к ней! Собирать удочки или спиннинг, крючки, наживку, одежду, представлять, что ты поймал, как будешь ловить.

Мне интересно ловить салаку. Иногда она идет по поверхности, иногда - по дну. Ориентируешься на своих собратьев по хобби. Туда сбегаются все, если видят, что рыба подошла к удачливому рыбаку. Вокруг него начинают все группироваться. Если тот, кто поймал, далеко забрасывает, все начинают делать то же самое. Салака может идти из моря в канал или из канала. Тогда ориентируешься по стае чаек. Они кричат и кружат над водой там, где идет косяк салаки. Когда салака попадает на крючок, она трепещет и вращается винтом. Поэтому нельзя жадничать во время рыбалки. Если ты используешь

слишком много крючков, чтобы поймать больше, рискуешь потратить больше времени на распутывание. Хотя, когда салаки очень много, можно одновременно поймать шесть-семь рыбин. Но вытащить всех очень сложно. Много срывается с крючка, когда вытаскиваешь. А вы знаете, из салаки я делаю такое вкусное блюдо, похожее на шпроты. Салаку чищу и укладываю в ряды в утятницу. Солю и два лавровых листика кладу, можно добавить луковицу, лучше неочищенную для цвета и заливаю растительным маслом. Немного добавляю воды, и на слабом огне рыба томится в духовке два часа, потом духовку выключаю, но рыба стоит в ней до охлаждения.

- Скоро похолодает, протянул Петрович. - Салака пойдет. Летом, когда жарко, она на глубину уходит, а как вода похолоднее станет, придет она к нашей дамбе.

- А я, - поделился Володя, - люблю сам процесс ловли на спиннинг, это захватывающее занятие. Леска натянулась, и ты думаешь: "Только бы не сорвалась!" А потом следующая мысль: "Что за рыба?" Бывает, сорвется, и тогда душу мучает, грызет вопрос: "Что за рыба была?" Самый азарт, самый переживательный момент, когда клюнула рыба, а ты еще не знаешь, какая.

- Наслаждение рыболова, - подхватывает Петрович, - когда ты понял, что клюнула, и ты начинаешь тащить. Такой адреналин! Страх - не упустить. И это мгновение подлинной жизни. Я пенсионер, но на диване мять бока не хочу. Здесь жизнь, здесь простор, да и наловлю побольше, так продам. Вот и подспорье к пенсии. Но главное - азарт!

...Ночь плавно перетекала в рассвет. Тихие голоса моих собеседников журчали и переливались, освежая, как дождь. Я впитывала свет, запахи, влагу с жадностью почвы. Сознание моих товарищей настраивалось на жгучее наслаждение утренней рыбалкой, а я... Я разделю их радость.

Голубка

Бархатистость голоса, манера говорить, как будто ворковать, ее какая-то крылатость, умение делать все быстро и незаметно по дому, ее легкость, как говорят, на подъем восхищали его. Виктор был необыкновенно мягким человеком, поэтому называл ее голубкой, свою Нину, бывшую жену. Но сложность ее внутренней жизни вытолкнула Виктора из семьи. В один весенний день, накануне восьмого марта, он собрал свои самые необходимые вещи и ушел к Антонине, дородной, статной, но с тихим, каким-то всегда расслабленным голосом, влюбленной в романсы Варламова, одинокой, бездетной и умеющей ему сказать слова утешения, погладив по плечу, в его болезненной жажде похвалы.

- Это моя ахиллесова пята, - говорил он, бывало, Нине, - зная об этом, ты хотя бы иногда чесала эту пятку. Ну, скажи, что я молодец.

– А почему ты так хочешь это услышать, ведь ты и так знаешь себе цену?

Он молчал, считая ниже своего достоинства повторять просьбу дважды. Нина тоже безмолвствовала, потому что ее прямолинейность толкала сказать, что он сплошная пята, но понимала: нельзя. Во-первых, сама ведь тоже достаточно уязвима, а во-вторых, ну что ей стоило похвалить его. А не могла, потому что не дано ей было овладеть искусством фехтования лестью.

Нина понимала, что самолюбие его поцарапано, и хотела перевести все в шутку.

– Знаешь, есть притча. Проповедник в церкви восхваляет божий мир и говорит, что все в нем так создано, что лучше и быть не может. По окончании проповеди горбатый подходит и говорит:

– Не грешно ли Вам насмеяться надо мной, уверять, что все прекрасно в божьем создании, посмотрите на меня.

– Так что же? – возражает проповедник, – для горбатого и ты очень хорош.

В глазах Виктора мелькнули искорки веселья.

– Это моя карма!

– Понятие богопротивное, – произнесла Нина тихо и серьезно, – спасение в любви и вере. Судьба ничто перед понятием веры величиною с горчичное зерно. Если говорить о судьбе, то это просто наши тайные мысли.

Он стал собираться, чтобы уходить. На лице зажглось воодушевление. Теперь допоздна он будет говорить об этом с Антониной. Виктор будет ей интересен, пока на лужайке этой темы ими, как кроликами, не будет съедена вся трава.

Дверь торопливо захлопнулась. Нина двинулась к лоджии посмотреть, какая погода на улице. Не прогуляться ли к морю, проветрить душу сквознячком. Сквозь тюль занавески она увидела, что на створке открытого окна сидят два голубя. Они хватают друг друга за клюв, словно целуются, отпускают и снова приближаются головами друг к другу:

– Ты знаешь, как ждал я тебя, когда Ной выпустил тебя в поисках тверди земной? – говорил голубь своей подруге. – Как сжалось тогда сердце, и подкатил комок к горлу, как задрожали крылья, когда появилась ты, наконец, с оливковой веточкой в клюве... Меня потом много об этом расспрашивали.

А когда ты была Семирамидой? Как удалось тебе так много сделать: одерживать победы в сражениях, строить города, дороги, орошать поля, выращивать сады, даже висячие. И как беззащитно материнское сердце перед предательством сына. Когда ты вышла тогда на балкон и обернулась голубкой, как прекрасен был твой полет.

– Ты знаешь мою влюбленность в жизнь и сумасшедшую радость делания, – коротко отвечала голубка.

– Тебе понравилась изображение моей головы на декоративном кортике мастера по янтарю Ханса Мессера? Посетители музея янтаря задерживаются

около этого экспоната. Когда Мессер вытаскивал мою голову, я подолгу сидел у его окна, чтобы он хорошенько мог меня рассмотреть.

– Да, отличная работа. Но мне ближе наш с тобой полет на духах Нины Ричи.

Идя по дорожке к морю, Нина вспомнила слова из Евангелия от Матфея: будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби. В отношениях с мужем, как и вообще в жизни, не хватало ни мудрости, ни простоты. Виктор хоть на мгновение, но раньше ее понял их несоответствие. Женитьба была стартом в неизвестном направлении. Он не знал, какого рода дичь попала в сети его обаяния.

– Ты человечище, а не человек, – говорил он. – Ты заполняешь собой все пространство, ты подавляешь меня.

Как хорошо понимала Нина его и строчки Марины Цветаевой, написанные Пастернаку: «Ты один мне равносильен, ты один мне равнозначен...» «Неравносильность» и «неравнозначность» с Виктором были очевидны. Она это ощутила после рождения первой дочери. Увидев его из окна роддома, она поняла, что он остался мальчишкой, а она после пережитой, как ей казалось, невыносимой боли, а затем целой симфонии чувств счастливого исхода – другая, взрослее.

Скромная прелесть обыденного были не для него. Возвращаясь со службы в сверкающий чистотой дом, где каждая вещь знала свое место, он по пути из коридора в комнату, где стоял телевизор, на ходу снимал галстук, рубашку, носки, включал «Новости», а утром искал свой галстук или еще что-то, даже если они оставались на том месте, куда бросил. Ей хотелось порядка, гармонии. Он искал для себя мировой скорби. Его мало заботил отдельный человек, но он болел за человечество. Виктор отличался эксцентричностью, не боялся быть смешным, любил иллюзии и самообман. Он был лишен иммунитета к экстремальным ситуациям. Во всяких неприятностях в доме со всей искренностью обвинял ее, Нину. Правда, накричавшись, просил прощения у нее, обнимал неловко и целовал куда-то ниже щеки.

Она прощала и знала, что все придется решить самой, кружила, переключаясь, по квартире, снуя от кухни к ванной, снова к кухне, поправляя, убирая, вытирая, все быстро и легко. Им приходилось жить в разных квартирах, чужих, бронированных, своих. И все она любила, украшала, ухаживала за ними. Ведь ее любимый философ Сенека говорил: «Что бы ни происходило, соблюдай чувство собственного достоинства». И еще это ее вечное искушение – чистотой в доме, в мыслях, в отношениях. Природой ей было отпущено хорошее здоровье и масса энергии, и энергия это носила название – смысл.

Уход к другой женщине не стал для Виктора исходом. Привкус прежней жизни лип к языку, изыск и сила Нины тянули к ней. Скучал он и

по двум золотоволосым ангелам, дочерям. Но приходил в свой прежний дом и по укоренившейся привычке садился у телевизора.

Однажды дети спросили у Нины:

– Почему ты за него вышла замуж?

– Он ваш отец. Не думайте о нем плохо, он всегда будет вашим отцом. А замуж вышла, потому что встретили мы с ним однажды Дида.

– Кто такой Дид?

– А вот слушайте. Однажды на чудесном, цветущем лугу на окраине одного города отмечался праздник Лады, богини любви, красоты и очарования. Была весна. Бог солнца Ярило согрел землю, и она расцвела, принарядилась, засияла радостью.

Вышла Лада к людям, молодая, прекрасная женщина. Платье у нее белое, опоясанное золотым поясом, и такие же золотые у нее волосы, украшенные жемчугом и венком из розовых роз с разноцветными лентами, спускающимися к плечам. За руку держала она своего старшего сына Леля, бога любви. Он ударял в ладони, воспламеняя искры. И на кого искры попадали, того сердце зажигалось любовью.

За Лелелем шел Полель, второй сын Лады, бог брака. Одет он был в простую белую рубаху и терновый венок. Благославлял он на будничную жизнь, на семейный путь, полный терний.

А вот третий сын Лады и дочь ее, Дид и Дидилия, задержались, увидев меня с отцом вашим. Дид – бог супружества. Дидилия – хранительница рода и детей. Оба в белых одеждах, у Дидилии на голове венок из белоснежных ромашек, а у Дида – из небесного цвета васильков. В руках он держит пару голубей и дает благополучие в супружестве, а Дидилия – в деторождении.

– Два голубя, они сейчас у нас на балконе живут. А в гнезде яйцо лежит, пойдем, посмотрим, – сообщили дети.

Виктор оторвался от телевизора.

– Деморализация и идиотизация – вот выбор тех, кто припадает к этому ящику. Кроме новостей, смотреть нечего.

– Да, смотреть телевизор – это погрузиться в болото цинизма. Но неужели мы сами не интереснее торчащих там голов? – спросила Нина.

– Расскажи, что ты новое прочитала?

– Поразительную книгу Е. Классена «Новые материалы для древнейшей истории славян». Открыла для себя памятники письменности славян до рождения Христова, собранные и объясненные Фадеем Воланским, с примечаниями Е. Классена.

Нина говорила это, склонившись над вышивкой. Она разглаживала очередной ее прелестный пейзаж тонкого изящного колорита.

– Меня необыкновенно привлекла бронзовая фигурка мальчика с птицею в руках. На ноге у него древнеславянская надпись, которую Классен так перевел: «Волю даю; может быть, что ее милый чаёт (ожидает)». Некоторые историки полагали, что это славянский бог Тагес, Классен считает, что это произведение искусства неизвестного мастера. Мальчик

поймал голубку, но отпускает ее, потому что ему пришла в голову мысль: может быть, голубку ждет ее милый. На лице мальчика написано глубокое чувство сожаления. Этот мальчик уже знает, что такое ждать, беспокоиться, томиться неизвестностью о другом человеке, поэтому он пускает ее лететь, эту Венере посвященную птицу.

Нина замолчала. Ей вспомнился ее сон из раннего-раннего детства. Гуляя у дома, она вдруг увидела, как какая-то маленькая птичка прилетела к ней и села ей на руку. Нина приставила другую руку, и птичка не только не испугалась, а, наоборот, как будто почувствовала себя под надежной защитой, спокойно сидя между двумя ладошками. Потрясенная доверчивостью птицы, Нина думала: «Как могла она узнать, что я ей ничего не сделаю, не причиню вреда?» Маленькая девочка наслаждалась счастьем этой короткой дружбы. Потом птица вспорхнула и улетела. Утром мать, выслушав рассказ о приснившемся, задумчиво произнесла: «Уж не выпустила ли ты счастье из своих рук, доченька?»

– Счастье – это наслаждение взаимной доверчивостью и доверием, – произнесла Нина.

Виктор стал одеваться, какой-то неловкий, сутулый.

- Ну, расправь плечи, ноги выпрями, что ты так согнулся? – тихо и просительно говорила Нина.

– Я же держу Вселенную, небо, чтобы оно на нас всех не упало, – ответил Виктор.

Житейское море

Балтийское море штормило. Зинаида пришла к нему подышать. Волны были желтоватого оттенка, невысокие, они ложились на арахисового цвета песок, выбрасывая темно-коричневые водоросли, среди которых мелькали иногда крошечные кусочки янтаря. Она наклонялась, брала их вместе с прилипшими влажными песчинками заледеневшими на ветру красными руками и клала в карман куртки. Северо-западный ветер пытался распахнуть ее, холодил, гнал домой. Зинаида еще раз окинула взглядом море и снова удивилась его желтизне. Повернувшись спиной к ветру, ступая по затвердевшему от влаги песку, она направилась через дюны к лесу, в сторону своего дома.

– Я на одном конце земли нахожусь, – думала Зинаида, – а на другом есть море, которое так и называется Желтое. Только, говорят, какое оно не желтое, а серое, даже свинцовое. И ничего я о нем не знаю, кроме того, что единственное поражение в истории Балтийского флота в русско-японскую войну было там. Воды Желтого моря проглотили адмирала Макарова и стоявшего рядом с ним в меховой шапке, с блокнотом и карандашом в руках художника Василия Верещагина.

Зинаида представила, как в сером дыму тонет броненосец «Петропавловск», за две минуты исчезнувший под водой, подорвавшись на японской мине. Какое горе наполнило сердца всех, кто был тогда в составе эскадры, и как медленно-медленно умирала надежда: «А вдруг удастся адмиралу спастись», как тихо-тихо плыла, покачиваясь на воде, меховая шапка Верещагина. Как, должно быть, ликовали японцы, празднуя свою победу: «Выпьем света луны, отраженной в бокале»...

Половины дня хватило Зинаиде на то, чтобы побывать в представительстве Германии в Москве и отдать документы на оформление визы. Поезд на Калининград уходил вечером, и Зинаида отправилась в Третьяковскую галерею, в которой она еще ни разу не была после капитального ремонта. В Москве стояла невыносимая жара, а в галерее работали кондиционеры, и это было благодатью. По пути попался буфет, и Зинаида решила выпить кофе, чтобы взбодриться. Она уже предвкушала встречу со своими любимыми Брюлловым, Ивановым, Врубелем. Зинаида стала за двумя невыразительными женщинами неопределенного возраста, которые попросили только чай. Брошенные в широкие чашки с кипятком бледные пакетики почему-то не спешили окрашивать воду в цвет, который и называется чайным. Частые погружения их ложечкой ко дну чашки дали определенный результат. Пока одна из женщин расплачивалась, объясняясь по-английски и медленно отсчитывая русские деньги, то ли жалея с ними расставаться, то ли плохо в них ориентируясь, вторая в это время выпила, по-видимому, не очень горячую жидкость и спрашивала у буфетчицы, сколько стоит, если налить в чашку еще раз воды. Узнав, что несколько, снова подошла к стойке, получила воду и села, интересуясь у спутницы, сколько денег осталось.

Идя по залам, Зинаида отметила, как много людей в галерее в эту знойную, июльскую пору. Художники – кумиры, безумцы, мученики, не все отмеченные прижизненной, но все – посмертной славой, ловцы человеческих душ, любимцы в венках из восхищенных взоров. «Огромная впечатляющая сила» – так говорят о настоящем произведении искусства. Зная свою впечатлительность, Зинаида не могла себе позволить останавливаться у каждой картины. Ее взгляд падал на работы Лосенко, Левицкого, Боровиковского, Тропинина, Кипренского... Молча здороваясь с ними, как со старыми знакомыми, Зинаида шла целенаправленно.

Но вот перед ней расступился светлый зал, в котором оказалось лишь несколько человек. Неожиданно открывшийся простор заставил Зинаиду замедлить движение. И тут она про себя воскликнула: «Как могла она забыть Верещагина!» Сколько дум было передумано только над репродукцией его «Дверей Тамерлана»! Есть географическое название Тамерлановы ворота. Они обозначают самую узкую часть горного прохода между окончательностью хребта Мальгузар и горами Нуратау в Узбекистане. Но вот творение Верещагина.

Зинаида впервые видела перед собой картину, репродукция которой так взволновала ее в свое время чудовищной таинственностью. Двери высоки, массивны, резные великолепным восточным орнаментом. Они страшны своей немотой. Незвестный мир за ними, как за толщей воды, как за далью туч. Огненное, ослепляющее азиатское солнце не пробьется сквозь их драгоценную резьбу, освещая пестрые тюрбаны, роскошные халаты, расшитые искусною рукой, острые кривые ятаганы, тяжелые щиты, луки и наполненные стрелами колчаны стражей.

Их распирает от гордости, и они, стражи, каменеют от ужаса перед Тамерланом – Тимуром, Тимурленгом, потомком Чинхисхана, владыкой Вселенной. Они помнили разрушенную столицу Хорезма Ургенч, грабительские походы в Иран, Закавказье, где даже их закаменевшие сердца вздрагивали от жестокости к населению, разгром Золотой орды и разграбление Сарай-Берке. Им еще предстояло вторжение в Индию и захват Дели, пленение султана Баязда в битве при Анкаре и поход в Китай, где нашли они свою смерть. И привиделась одному из них накануне сияющая вершина, где был сад с золотыми плодами, где цветы и травы источали запах кожи возлюбленной, глаза которой подобны ночным звездам.

Обмерла душа Зинаиды перед «Апофеозом войны», «Торжествуют», «Всадником-воином в Джайпуре». Вот что за дверями Тамерлана. Опадают руки, слабеют колени, потом лицо твое уходит в ладони, прячется в них.

Сложенные горкой головы с иссушенными лицами и волосами льняными, золотистыми, русыми на полотне Верещагина подтолкнули Зинаиду к мысли об ужасе внезапной смерти. И она вспомнила, что хотела увидеть Брюллова, «великого Карла», но его «Последний день Помпеи» – «светлое воскресение русской живописи», как написал о ней Гоголь, жаль, сегодня не увидит, картина в Русском музее в Санкт-Петербурге.

Усевшись на диванчик посреди зала – ноги уже не хотели держать уставшее тело – Зинаида задумалась. Николай Васильевич страшился внезапности смерти, боясь «не успеть покаяться». У Александра Сергеевича несколько другое, его «Странник» драматичнее: «К суду я не готов». У Брюллова идеальной красоты его герои сосредоточены не на себе, а на своих близких. Страшнее всего потерять дорогих тебе людей. И они укрывают их от горячей золы, падающих камней, заслоняют собой любимых, преданных, любящих жизнь. И обреченность меркнет перед красотой мужества.

Возвратившись домой, Зинаида нашла свой город утопающим в июльском зное. Море звало разделить с ним праздник окончание дня, сказать «да» его сиянию в лучах заходящего солнца. Призывно цвел шиповник. Нежной голубизной разливалась колючка на песке, который свистел и пел под ногами. Припадали к ним радостно лепечущие волны.

Качаясь на них, Зинаида думала о Москве, о галерее и Верещагине. О чем он успел помыслить в последние минуты жизни в Желтом море? Может быть, вспомнились ему «Двери Тамерлана» или другие, родные двери его дома за Серпуховской заставой, дома, пахнувшего смолой северной сосны.

Или двери дома в Мюнхене, или в Медох-Лаффитти? Или видел он сына своего Василия? Они идут в Московский Кремль, останавливаются и снимают головные уборы перед иконой на воротах Спасской башни.

Тихо-тихо качалась на волнах Желтого моря меховая шапка Верещагина.

Песня об Учителе в прозе

Когда-то носителя новой идеи называли предтечей. Сейчас проще – новатор. Учитель-новатор Евгений Николаевич Ильин. Для меня и многих других он предтеча. Мой Учитель, величайший гуманист конца 20 и начала 21 века. Народный Учитель не по званию, а по сути. Учитель по призванию свыше, талант, гений, литературовед и тончайший психолог, ярчайшая личность.

«На повороте к себе рождается личность», «Делиться своим, подчеркиваю, своим, – потребность личности», «Надо идти с кем-то, чтобы выйти на себя» - эти его слова стали крылатыми. Его бескорыстная самоотдача ученикам и окружающим его людям, его сияние как Учителя-Человека, носителя высокого духовного начала вызывали гнев и бешенство, саркастическую улыбку, язвительные замечания, прямые оскорбления, попытки заставить его замолчать, попытки изгнать от учительского стола тех, о ком Евгений Николаевич скажет: «Человек, он порой звучит не гордо, а горько».

При кажущейся хрупкости он выстоял. «Нежного слабей жестокий», прав Пушкин. Жизнь ответила любовью на любовь, не дав усталости, как затупившемуся карандашу, исцарапать тонкую ткань высокого и чистого стиля «сердцу высказать себя». Кто-то бы сжал кулак, но он протягивал добрую ладонь всякому, кто страдал духовности и душевности и говорил: «В сжатый кулак ничего не положишь». В разъяренной пене подлости и активной низости он спасает: «Тот неуязвим, в ком нет конфликта с собой».

Он учит гармонии с собой и с миром, находя в нем великодушие и благородство. Мир чистоты помыслов и бесконфликтности с собой найти легко. В первую очередь, этот мир среди детей и юношества. Он спасает их, они – его.

«Принеси на урок себя, а книга сама придет». Он имеет право это сказать, потому что является человекосозидателем и человековедом, тружеником на ниве разумного и доброго.

Он умеет «согреть тканью художественного текста, как теплым платком», он держит руку «на пульсе, а не на горле ученика». Задача не только выполнить школьную программу. Покидая его урок, ты ловишь себя на мысли, что возвращаешься из яркого, полного впечатлений странствия длиной в урок, но «дольше века» длившегося, в мир писателя, его героев, а также в мир Учителя, и что особенно удивительно, в свой собственный мир,

в себя, до этого почти незнакомого, даже незнаемого, в мир вечности, в которой до этого ты не создавал себя. И вдруг ты получаешь самого себя, как подарок, ты начинаешь излучать свою собственную энергию и начинаешь ощущать себя в центре вселенной. Как это чудо происходит? Что сделал Учитель? Откуда он черпает силы, чтобы так щедро одарить, зарядить?

Ильин говорит, что человек, умеющий задавать вопросы, спасенный человек. «Не потому ли здравый смысл примолкает, как сирота, когда кончаются вопросы?». Вопрос к самому себе – для него начало здравого смысла. А затем ответ, вытаскивающий тебя из трясины горечи и безысходности. Учитель проявляет интерес именно к тебе со всей искренностью. Из книг, из классиков берет и дарит тебе ответ или дает возможность в тишине, затянувшейся паузе, как условию верного решения, созреть ответу в твоей душе.

Писатель, педагог, методист, революционер, психолог, литературовед, Человек, ведающий и ведущий. В его сиянии и одновременно муки какой-то в глазах видится то мученичество и одиночество, которое испытывают все, кто живет на вершине, откуда открываются дали, глубины и высоты человечества и отдельного человека.

Сломанная яблоня

Осень вступила в свою позднюю пору и проявляла необыкновенную щедрость на дожди.

В начале ноября Галина, наконец, решила отправиться в Полесский район, в женский монастырь, о котором давно слышала. Несмотря на полную свою незанятость работой уже целый год после того, как газета, в которой она работала фотографом, перестала существовать, эта маленькая худенькая женщина все никак не могла оторвать себя от дочери с зятем, от внука. Она все хотела выбрать ясный день, так как зонтика у нее уже давно не было, как и многих других вещей, которым свойственно принадлежать только женщинам. Галина знала, что от остановки на шоссе до монастыря надо будет еще добираться двенадцать километров, ее уверяли, что автобус, возящий школьников, ее подберет, но совсем упустила из виду, что начались осенние каникулы.

Автобус на Полесск незаметно выпустил ее на нужной остановке, и Галина Ивановна, поеживаясь от холода, в полном одиночестве двинулась по сельской дороге, читая про себя охранную молитву и преодолевая в душе тревожность и беспокойство.

Дождь несколько раз поливал ее в пути, а потом сквозь тучи выглянуло солнце. Одинокая странница подняла свой взгляд над дорогой и, потрясенная, остановилась. Она увидела яркую радугу, концами правильной дуги упиравшейся в небо. К горлу подкатил комок. Измученная неурядицами женщина вспомнила ту часть Библии, где

Бог, устыдившись своего жестокосердия к миру, от которого остались лишь обитатели Ноева ковчега, явился им в виде радуги.

Почему-то в памяти всплыла телепередача о Людмиле Гурченко, которой отцом были сказаны слова: “Ничего, Бог хорошего человека пожмет-пожмет да и отпустит”.

Дорога шла то лесом, то взгляду открывались прекрасные долины, удивлявшие красотой даже в пору безлистной осени, навевавшей мысли о вечности.

“Как прекрасна земля древних пруссов, - думала Галина, и на память пришел рассказ ее подруги Риты о профессоре Кенигсбергского университета, пытавшегося доказать, что именно здесь была прародина человечества, где блаженствовали до поры до времени Адам и Ева.

Мысли обгоняли одна другую. В памяти проплывали лица, иногда стершиеся, как старая монета, и своя собственная пятидесятилетняя жизнь воспринималась не своею.

“Память обладает странным свойством, - размышляла Галина, - держать в себе то, чего уже нет. Вот взаимоотношения с покойным мужем, который и жил, и умер нетрезво”.

Мысли бредущей путницы прервал шум догоняющей машины. “Если сам водитель остановится и предложит подвезти, - решила Галина, - то соглашусь, сама же голосовать не буду”. С удивлением рассматривал водитель странницу и не остановился, а она не расстроилась, потому что не готова была к возможным вопросам попутчика, предпочитая привычное одиночество.

Батюшка, подвозивший ее на машине из Балтийска до Калининграда, предупреждал: “Не идеализируй, в монастыре тоже люди, как везде, со своим пережитым, со своими слабостями”.

Галина понимала это умом, но устала от мира, где убивают, пока не убьют, а любить не хотят, “потому что больно”, а проживают в скепсисе и в “подставах” друг друга.

Была и другая причина примерить на себя монастырскую жизнь. Не работая, живя с младшей дочерью, подставляя свое плечо семье, где работал лишь зять, она винила себя за неспособность принести в дом копейку, ощущала себя лишним ртом, особенно, когда заплату зятю задерживали.

Она винила себя за то, что не работала, когда был жив еще муж, что осталась без трудового стажа, посвятив себя дому, детям. Галина вспомнила первые годы своего замужества, когда губы ее еще знали улыбку, а белый свет виделся лазурным и теплым, благодаря явившимся в него двум дочерям.

Над дорогой стали собираться сумерки, а вдали показался поселок. Галина вновь стала молиться, чтобы то место, куда она шла, легло ей на сердце, чтобы хорошо ее приняли.

Ей отвели келью на втором этаже, предложив отдохнуть с дороги, а потом приходиться в трапезную на ужин, но не в брюках, купленных когда-то Галиной в “сэкан хэнде” задешево. Горничная принесла серую удлиненную юбку, платок у Галины был свой.

Пройдя с непривычки столь длинную дорогу, преодолевая сырой ветер, измученная женщина прилегла и хотела заснуть, но долго не могла побороть волнение новизны, неясности, неопределенности, ощущение промерзлости и невозможности согреться. Ноги гудели от усталости, не было ни сил, ни желания идти на ужин. Галина лежала и смотрела в темное окно, в котором сквозь ветви деревьев нестерпимо сверкали звезды, вызывая слезы на глазах. Она смежила глаза и тотчас вспомнила радугу. “Неужели Господь устыдился своего жестокосердия к ней?” Галина заплакала от жалости к себе, от великодушия божьего и чувства благодарности к нему. Выплакавшись, она, наконец, уснула.

Ей приснилась сломанная яблоня, у которой от середины не было верхушки. Но оставшиеся нижние ветви покрывали бело-розовые цветы. Они раскрывали свои ресницы навстречу взгляду Галины. Она протянула вперед ладони, и ветер дунул в них несколько лепестков, похожих на драгоценности. Яблоневое дерево раскрывало свои ветки, как будто объятия, и шептало” “Еще рано умирать, я еще могу плодоносить”.

Галина почувствовала себя этой яблоней, которую ветер гладил по плечу, и ей захотелось петь и бежать.

Аккуратный стук в соседнюю дверь и голос разбудил гостью монастыря.

- Слава Господу нашему, Отцу небесному, - громко произносила стучавшая монахиня.

- Аминь! - услышала Галина из соседней кельи. И когда с теми же словами постучали в дверь к ней, Галина, услышав хвалу Господу, также ответила: “Аминь!”

В тот день Галина узнала, что в монастыре у каждого свои обязанности, постоянные и временные. Огромное хозяйство требовало и наемных рабочих: тракториста, скотницу на ферму. Каждое утро на кухню поступала корзинка яиц, козье и коровье молоко, овощи со своего участка.

В тот день Галине досталась работа, которую она восприняла равнодушно. Нужно было перебрать подгнивавшую морковь, высыпанную кучей прямо на пол сарайчика. Родившейся в деревне Галине это было нетрудно. Десять ведер здоровой моркови она набрала почти механически, не останавливаясь мыслями на своем занятии, а раздумывая над ночным сном. И решение, пришедшее утром: она нужна дочерям и внукам, и они нужны ей, - укрепилось в сознании. Захотелось прижать к себе хрупкое тельце младшего внука, увидеть его глаза и улыбку, вернуться домой.

На следующий день Галина работала на кухне, накрывала стол, убирала посуду и мыла ее, натирала полы, ощущая легкость от принятого решения.

В воскресенье, это был четвертый день ее пребывания в монастыре, появилась оказия. Матушка Сусанна ехала в Калининград на своей машине, чтобы провести уроки в воскресной школе. С ней Галина и уехала. Помолившись, перекрестив машину, дорогу и самих себя, они двинулись в путь, который показался Галине недолгим.

Калининград увиделся не знакомым и суетливым. Женщина направилась к Театральной площади, чтобы уехать на автобусе в Балтийск. В ушах звучала утренняя служба, ласковые речи отца Серафима.

Ей показалось, что деревья, подступающие к остановке, внимают ее мыслям задумчиво и строго. Галина подняла голову к их вершинам. Тотчас несколько ветвей, как руки, отпустили от себя сидевших на них птиц, и те, напрягая крылья, скрылись за домами.

До свидания, избыточность

Тебя не покидает ощущение, будто все здесь новое, в том смысле, что только что произведенное. Новые автобусы, электрички, дома, улицы, утопающие в цветах. Мелодичный, нежный голос в транспорте задушевно объявляет остановки. Машины идут почти бесшумно, мягко по безукоризненным дорогам. Ошеломляющая точность расписания движения городских автобусов.

Изошренность ума и многообразие проявлений ума и золотых рук. Избыточность товаров в магазинах и в том числе по количеству разновидностей одного наименования. Стремление мимолетность творческой мысли запечатлеть в конкретном.

Жизнь у нас, в России, бедна не материально. Она бедна нюансами, тонкостями и подробностями, которые здесь ценят, смакуют, умеют ими наслаждаться. Им свойственна гибкость в переходе от одного настроения к другому. Мгновенная смена задумчивости на величайшее внимание к собеседнику в выражении лица. Какая-то потребность в использовании другого, необязательно, что тот должен сделать что-то конкретное, а в скрытом требовании уважения к себе, желании развлечь его, поддержать разговор или шутку. Готовность к улыбке, акцентирование на своих достоинствах, многократный рассказ о каком-то его великодушном поступке. Например, жена Ганса перед смертью завещала дом ему, а не дочери, и он, такой замечательный, продал половину дома дочери очень дешево. Или Урсула рассказала не один раз, как она купила дорогое лекарство для жены одного русского парня.

– О чем русская песня «Калинка мага», – спрашивает Манфред.

– «Калинка моя». Это обращение к возлюбленной. Ягодка. У вас обращаются в народе к милой девушке: ягодка моя, птичка, рыбка?

– Нет. Но есть песенка, где девушку называют: «Мышка моя».

Лютеранская церковь. Все чрезвычайно просто. Никаких икон. Ничего лишнего. Небольшая кафедра. Маленький орган. И зал с серыми простыми деревянными скамейками с паралоновыми подушечками, облеченными в

бордового цвета ткань. На задней части скамейки в углублении красные сборники церковных песен и псалмов. Слово пастыря, хоровое исполнение песни из сборника. Сбор пожертвований. Паства покидает зал с размягченными лицами.

Когда все хорошо, они говорят: «Аллес ин буттер» – Все в масле. Исключительная доброжелательность: «Шене грюсе» – прекрасный привет. Умение радоваться, умение ценить красоту, умение считать.

Если ты едешь в автобусе, и ты плохо слышишь, не беда: электронное табло все время высвечивает название следующей остановки. Оно горит, пока желающие не вышли. Автобус трогается, зажглось новое название.

Католическая церковь Святого Николая. Колокола известили о начале мессы. Воскресение. 11 часов утра. Зал полон. Пастор в белом одеянии с ярко-зеленым подобием шарфа, наброшенного на шею, за кафедрой читает проповедь. За ним стоят пять мальчиков подросткового возраста в серых хламидах.

– Каков твой шанс? – задает риторический вопрос пастырь и отвечает, – твой шанс в свободе выбора, с богом ты или без него.

Продолжительная речь его заканчивается словом «Амен!» Все встают и берут в руки бордового цвета сборник песен и псалмов, раскрывают на указанной странице. Раздается звучание органа, и все поют негромко, но очень дружно, слаженно:

– Боже, король небес, отец наш! Пошли мне милость твою. Я надеюсь, ты откроешь мне врата к тебе, когда я к тебе приду.

На моем месте не оказалось сборника песен. Вслушиваясь в пение, я чувствую, как кто-то дотронулся до моего плеча. Поворачиваюсь. С милой улыбкой девушка протягивает мне сборник.

Пение заканчивается. По залу из рук в руки переходят неглубокие плетеные корзинки для пожертвований.

И снова пение, молитва. Некоторые встают и припадают на колени на низенькие скамеечки, которые, можно было подумать, для ног, потому что у некоторых ноги были именно на них..

Какие-то слова произносятся хором, звучит, как клятва.

Пастор спускается ближе к залу. В руках у него чаша с причастием. Крошечное, тонюсенькое печенье размером с копеечную монету. Паства выстраивается в очередь. Пастырь каждому выдает кругляшок и заглядывает в глаза. С величайшим благочестием прихожанин принимает его и кладет в рот.

Месса закончилась. Некоторые, перекрестившись слегка согнутой ладонью, еще раз припадают на одно колено на маленькую скамеечку, обратившись лицом к алтарю. На лицах просветленность.

В церковь ходят всей семьей. Вот отъезжает «Мерседес». Отец с матерью впереди. На заднем сиденье две светловолосые девочки.

Вот пешком идет семья из пяти человек, впереди родители, за ними два мальчика- погодка, девочка постарше держится особняком.

Старый город. К красно-кирпичной кладке прильнули кусты роз. Цветы на каждом свободном кусочке земли.

Туристы фотографируются на коленях у бронзового бюргермайстера Киля начала 18 века. Только для пешеходов улицы. Витрины дорогих магазинов. Вот, например, все для лошадей и наездников. Глаза разбегаются, оказывается, сколько можно всего предложить жокею.

Выхожу к гавани. Крики чаек. Огромные лайнеры отправляются или возвращаются из дальних стран.

Музей гавани. Ощущение, что ты находишься на морском дне благодаря специальной подсветке. Первая подводная лодка в Германии 1850 года. Картины, план местности, спасение смельчаков, впервые опустившихся под воду на лодке. Интересна кухня рабочего гавани 1900 года. Плита, раковина, стол, всевозможная утварь.

Панорамы строительства кораблей, картины с изображением судов различных поколений. Сундучок для добровольных пожертвований.

В выходной день тысячи яхт выходят в Кильскую бухту. Кто-то спускается на ярком сине-красном парашюте, кто-то парит на дельтаплане. У берега стоит белоснежная яхта, увитая гирляндами цветов, сияя новизной. Владельцы с гостями разбивают о борт шампанское. Мы бы сказали: вышли на шашлыки, а у них гриль.

Приближается уютный поезд. До свидания, избыточность!

Маленькая розовая долина

Увлеченная работой, Валентина скучала без моря. Она давно не была у него. С морем можно было говорить, доверять ему свои мысли, даже советоваться. Оно всегда дышало силой и одаривало, не скупясь, ею свою собеседницу.

Подходил к своему завершению февраль, но зима не собиралась отступать. И все-таки выдался чудный, жемчужно-перламутровый день, отмеченный влажной тишиной, когда Валентина оказалась у моря.

Ноги сами принесли. Неожиданно легко она шла по заснеженной дорожке сквозь березовую рощицу, далее под горочку мимо изогнутой сосны, вновь на возвышение дюны, с которой и открывается море.

Валентина была женщиной, как говорят, среднего возраста, сохранившая в себе свежесть и чистоту восприятия мира природы. Или природа делала ее моложе, помогала острее чувствовать жизнь. Она приближалась по замерзшему песку к берегу, и как же радостно было его видеть. Все вокруг чарующего, насыщенного и наполненного различными оттенками серого цвета. Небо и море сливались в серой туманности совсем близко. Изумительного оттенка серый цвет с жемчужным отливом был у воды, а небо легчайшими складками дымчатого шифона завесило горизонт. У берега слегка покачивались светло-серые льдины. Темной узкой полоской серел вдаль Северный мол. Ржаной крошкой казался мокрый песок.

Полоса пляжа в сторону поселка Мечникова сузилась под натиском моря и терялась в туманной дымке. Коричневато-серые кустарники не шевелились ни одной веточкой. В природе царила задумчивость и умиротворенность. Глаза наслаждались тончайшей игрой светотени.

Валентина почувствовала, что начинает зябнуть от сырого воздуха, и повернула домой. Но не прямым, а окружным путем. Она прошла полоску пляжа, держа все время влево, и поднялась на невысокую обрывистую дюну, во впадине которой простиралась небольшая Розовая долина, во всяком случае, Валентина ее так называла и любила сюда приходить. Здесь из песка по всей впадине произрастали кусты молодого шиповника. Сейчас, обледенелые, густо усеянные беззащитно-сонными шипами, ветки его тяжело лежали на крупном морском песке, пятнисто укрытом снегом.

– Скоро здесь все оживет, – подумала Валентина.

Волшебной красотой наполняется это место с приходом весны. Сочно-зелеными, густыми листьями, придающими кустам какую-то почти круглую форму, облекается шиповник. И среди этой яркой зелени почти круглое лето один за другим появляются пышные, темно-розовые, иногда почти свекольного или призывного, малиновой спелости оттенка цветы. Со временем они превращаются в крупные, круглые, с остатками иссушенного соцветия ягоды с зеленовато-желтыми и ярко-оранжевыми боками.

Поспевающие плоды появляются уже к середине лета и соседствуют с теперь уже более редкими цветами.

И эти цветы, и плоды в обрамлении насыщенно зеленых листьев на фоне песка, золотистого на солнце и цвета орехового ядра в тени! Они напоминают кусочек рая.

– В мире есть много красивых мест. Но, мысленно сравнив их с красотой Балтийского побережья, ты в сердце своем все же сделаешь выбор в пользу именно этого краешка земли у Балтийского моря, – говорила сама себе Валентина.

Вспомнились строчки из «Обыкновенной повести» Огарева:

Была чудесная весна!

Они на берегу сидели...

Вблизи шиповник алый цвел,

Стояла темных лип аллея.

– Почему у Огарева шиповник алый? Видимо, для ритма, – размышляла Валентина. – В средней полосе России другой шиповник. Цветы у него маленькие, редкие, пять лепестков белого и бледно-розового цвета, и плоды небольшие, удлиненной формы.

Маленькая Розовая долина находится в обрамлении по левую сторону невысокой кручи дюны, на краю которой так чудесно наблюдать опускающееся в море закатное солнце, а по правую сторону – тянущегося широкой полосой березового леса с низкой мягкой травой, в которой летом прячутся душистые ягоды земляники. Белизну стволов берез можно принять за мраморную стену Эрехтейона. В ритме покачивающихся веток чудятся

звуки той двойной флейты, что припала к губам молодой женщины на мозаике, созданной рукой Диоскурида Самосского в вилле Цицерона в Помпее. Зеленые тени легли в складки платья музыкантши. Нежность мелодии рождается из ее губ, дыхания, тонких пальцев, закрывающих отверстия флейты. Мраморной белизны маска скрывает лицо, но не тонкую шею, копну золотистых волос, колечки их на затылке. Валентина не владела никаким музыкальным инструментом, и все же в музыкантше почему-то видела себя.

Может быть, эти ритмы через века услышал Оливье Мессиаан, в чьи органнeе мессы так органично влились птичьи голоса. Несколько лет назад они с мужем слушали Мессиаана в Домском соборе в Риге. И приходя к морю, к дюнам, Валентина вспоминала тот концерт.

И здесь, над Маленькой Розовой долиной, звучат по весне кукушки, а по ночам – соловьиные трели. Густой запах розы привлекает сюда отдохнуть ангелов, уставших от борьбы за души фаустов, и белизна их крыльев по утрам принимается за низко стелющийся туман.

Прошедшим летом Валентине удалось уговорить сопротивлявшегося мужа отметить День рождения их семьи вдвоем, здесь, на краю долины.

Был конец знойного августа, солнце клонилось к закату. Прелесть этого прекрасного мгновения смены дня на вечер носит в природе характер обыкновенности происходить каждые сутки, и поэтому немногие завели обыкновение приходить к морю, чтобы удостовериться в неповторимости игры красок воды и неба над ней. Это мгновение ощущения уходящего щемящего счастья, когда громкие голоса умолкают и неосознанно даже люди переходят на шепот. Бурная симфония цвета четырех стихий сменяется тихой, струящейся мелодией, слышимой лишь в сердцах тех, кто не боится открыться большому.

Евгений развернул из бумаги два хрустальных бокала, достал из пакета любимые Валентиной плоды киви, вкус которых напоминал ей земляничное детство, и коробочку конфет. Валентина зажгла темно-красную витую свечу и поставила ее прямо в песок. Она смотрела, как муж открывает шампанское. В эту драгоценную минуту его волосы напомнили ей старинное серебро с чернью. Он наполнил бокалы, взял один из них в руку, посмотрел на жену. В белых брюках и такой же футболке, с отблеском свечи на светлых волосах, на лице, она была юной и прекрасной.

– Ты также красива, как эта природа. За тебя!

– И за тебя, – ответила красавица.

Сгустились сумерки. Маленькое пламя свечи не сдавалось под дуновениями ветра, рассеивая тьму. Они прислонили плечи друг к другу, согреваясь их теплом, соединили руки, ощущая гладкость кожи и чувствуя себя восемнадцатилетними. Свет и тени напоминали о своем могуществе, видимое становилось невидимым, незнание и знакомое теряли свои очертания. Все светлое казалось понятным. Все темное – тайным, загадочным.

Если рассматривать события человеческой жизни как благословение господне, то вечер тот был чудесным даром его. Берег затаился, прислушиваясь к звучащим в унисон душам. Их беседа журчала, как прозрачный ручей, переходя иногда на шепот, похожий на шелест травы. Им принадлежала вся земля. Он и Она говорили о человеческой мудрости и глупости, силе и слабости, могуществе разума и хрупкости чувств, пока ветер высокого духа не сменился последовательными аккордами щемящего предощущения прощания с Маленькой Розовой долиной.

По дороге домой отчаянно-беззащитная мелодия сменилась спокойно-уверенной. Валентина тихонько запела:

Все проснется, и все еще будет

И сиять, и порхать за окном.

Прыжок «Дельфинчиком»

Александр Николаевич Рудаков служил лесником на Балтийской косе. Он был высокого роста, хорошего телосложения, неторопливых движений, но очень острой реакции. На худощавом лице русо курчавились усы, а под густой шапкой волос скрывался высокий лоб. Серо-голубой глаз внимательно смотрел на собеседника, которому нелегко было глядеть в лицо Александра Николаевича из-за рубцов вместо правого глаза. Вернувшись из леса домой, Александр Николаевич включил телевизор, чтобы посмотреть новости. В Ираке шла война. Устало переодеваясь, он вдруг на мгновение застыл. На экране американский солдат кормил дельфина, опуская ему в широко раскрытый рот по одной маленькой рыбке и коротко поглаживая по голове. Диктор за кадром рассказывал о том, что дельфины натренированы на поиск мин и будут использованы для проверки, не заминировали ли иракцы побережье залива.

Александрович, как его звали в лесничестве, разволновался. Снова он начал перебирать в памяти свою жизнь. Он родился на Балтийской косе, одном из красивейших, в чем он не сомневался, уголков земли. С одной стороны косу омывает Балтийское море, с другой – Калининградский залив. Жизнь между двух водных стихий рождала любовь к ним, уверенное ощущение себя в воде и на воде.

После окончания начальной школы, как и все косовские дети, он перешел в 6 школу Балтийска. Здесь его заинтересовали многочисленные кружки в Доме пионеров, Доме культуры, Доме офицеров, но главной страстью его стал бассейн, удобно расположившийся рядом с железнодорожным вокзалом, недалеко от школы. Его привлекала личность тренера Николая Николаевича Сельникова, который также отметил способности Саньки Рудакова. Соревнования по плаванию на городском и областном уровнях приносили победы балтийскому Дому спорта, и в лидерах неизменно был Санька.

И все же рыбалка на заливе, ловля янтаря в море, сбор грибов и ягод в лесу приносили Саньке не меньшее удовольствие. Лес любил он едва ли не больше воды. И поэтому выбрал себе для жизни занятие по душе, стал лесником. Обходя свой участок, приглядываясь к движениям в природе, слушая лесную тишину, он чувствовал везде Божественное присутствие. Он вырос в семье, где, как и все в поселке, обходились без церкви, не записывая себя ни в верующих, ни в атеистов. Но близость к природе делала их добрее. Может быть, поэтому в поселок, не стесняясь, могли зайти дикие кабаны, чтобы порыться в мусорных отходах в поисках съестного. Жизнь в поселке, оторванном от материка Калининградским морским каналом, накладывала отпечаток на его жителей. Штормы и ураганы заставляли катера и паром недвижно стоять у причалов, и жизнь людей тоже как будто замирала в ожидании хорошей погоды. И если ты не запасся продуктами, что-то можно было занять у соседей. Таким образом, с детства Саша, наблюдая родителей, друзей и соседей, видел, как можно быть стойким и мудрым в невзгодах природных и личных.

Когда пришло время, Санька был призван в армию и оказался на Черноморском флоте. Началось обучение спецзаданиям под водой, а немного позже – работа с дельфинами. Ставилась задача – научить дельфина идти на звук движущегося корабля и научить его нырнуть под корабль с миной на спине. Дельфин должен был погибнуть, но нанести ущерб врагу «дрессировщика».

Но эта была дальняя цель, а пока была ежедневная работа. Как же полюбил Александр дельфина Лидинга, отзывавшегося на свое имя. Это было необыкновенно умное животное, остро чувствующее настроение Александра. И Лидинг, и Саша получали взаимное удовольствие от общения на воде. Матрос вспоминал, как в балтийском бассейне Николай Николаевич учил своих питомцев совершать кувырки в воде, прыжки над поверхностью воды «дельфинчиком». И теперь Саша вместе с Лидингом много времени проводили в воде, плавали, прыгали друг через друга и подныривали.

Александр Николаевич, изумленный увиденными по телевизору кадрами, прошел на кухню, чтобы немного успокоиться. Он зажег газ под большим чайником и отправился в ванную помыться, разогрел свой одинокий ужин. Жена его уже давно, не получив согласия мужа покинуть косу и устроиться в более цивилизованном месте, бросила его, выйдя замуж за прапорщика, служившего на пограничной заставе на косе, и уехала на Украину, забрав с собой младшего сына. Старший же вырос, живя вместе с отцом на косе, а затем стал ходить в море на рыболовецких судах, обзаведшись своей семьей в Калининграде. Александр Николаевич незаметно проглотил ужин, машинально сполоснул посуду, мысленно пребывая в событиях тридцатилетней давности.

Увлечись работой с дельфинами, он старался как можно больше узнать о них. С удивлением прочитал он миф древних греков о спасении дельфином Орфея. Еще более впечатлила его история, связанная с рисунком

в пещерах около города Гао в Мали. Там есть описание и рисунок с изображением летательного аппарата, прибывшего будто бы с Сириуса. Необычные существа, похожие на дельфинов, вышли из аппарата на сушу. Их приход на землю и принес цивилизацию на планету.

Незаметно бежал день за днем, и увлеченное занятие Александра было прервано навсегда. Его направили в отряд особого назначения – охраны под водой советских боевых кораблей в Средиземном море.

После шестидневной войны Израиля против арабских стран, Египта, Ливана, Сирии для демонстрации силы две супердержавы – США на стороне Израиля - и СССР - на стороне арабских стран – создали оперативные соединения: США – средиземноморский шестой ударный флот, СССР – 5 средиземноморскую эскадру, в состав которой входили корабли Северного, Балтийского и Черноморского флотов на принципе сменяемости. Постоянные оперативные соединения двух супердержав следили друг за другом круглосуточно в готовности применить оружие. В состав советской эскадры входили диверсанты-подводники, разведчики, призванные обеспечить охрану надводных кораблей на якорных стоянках. Аквалангисты постоянно осматривали днище и корпуса кораблей. Охрана кораблей также проходила путем подрыва ручных гранат за бортом. Каждые пять минут за борт выбрасывалась граната. У сил НАТО лучшие водолазы были у итальянцев. Ходили слухи, что силами итальянских подводных диверсантов был взорван в 1956 году линкор «Новороссийск», чтобы он не достался русским, получившим линкор в качестве выплаты контрибуции со стороны Германии и ее сателлитов.

Тот день, когда Александр спустился в шлюпку с корабля на воду, в воспоминаниях вызывает желание забыть, вызывает беспокойство, которое нелегко преодолеть. Предстояло, как обычно, осмотреть днище корабля. Водолаз ощущал привычную тяжесть резинового костюма и акваланга за плечами, тронул рукой нож у ноги и опустился в теплую, зеленоватую воду. Он скользил вдоль корпуса корабля, подбираясь к днищу. Уже изготовившись поднырнуть под него, он вдруг столкнулся лицом к лицу с другим водолазом, можно сказать выскочившим из-под днища. Несколько мгновений они ошеломленно смотрели друг на друга, не двигаясь. Желтоватые полоски по бокам водолазного костюма не вызывали у Александра сомнения, что перед ним итальянец. Светло-серые глаза впились взглядом в черные. Те недобро сверкнули, и боковым зрением Саша увидел, как рука итальянца тянется к левой ноге, к колену, чуть ниже которого крепился нож. Еще он успел заметить, что нож итальянца длиннее, чем у него. Чувство смертельной опасности охватило Александра, и он рванул свой нож с правой ноги, заметив, как противник двинулся на него. Холодный металл ослепительно сверкнул в воде, и юноша вспомнил высокие отзывы о квалификации и степени обученности итальянских водолазов борьбе под водой. «Нож его длиннее, и он легко может мне перерезать дыхательную трубку», - лихорадочно думал матрос. И тут ему вспомнился его тренер,

Николай Николаевич, его прыжки «дельфинчиком». На вдохе Александр делает прыжок вверх над своим противником, ощущая, как ножом итальянец разбивает ему стекло над правым глазом, и горячая боль захлестывает голову. В то же время он ощущает, что ластой выбивает загубник своего врага. Пользуясь заминкой, возникшей в результате того, что итальянец стал заталкивать в рот загубник, Александр наносит удар ножом в правый бок. Кровь противников густым облаком окрасила воду и перемешалась. Итальянец стал опускаться ко дну, а Александр рванул ввысь, на поверхность воды. Забравшись в шлюпку, он командовал: «В воду! ...итальянец» - и потерял сознание. Два его товарища тут же нырнули в воду. Итальянца они не обнаружили. Скорее всего, он остался жив, и смог, будучи нетяжело раненым, добраться до своих. Александр узнал об этом, находясь в госпитале, после операции по ампутации глаза. Во сне он часто видел дельфина Лидинга. Казалось, он помогал своему другу выздороветь.

После выписки из госпиталя его ожидала государственная награда и демобилизация. Дома, через некоторое время после возвращения, мама однажды спросила его: «Сынок, а тебе пришлось в армии убивать?». «Да», - ответил Александр, и мать заплакала. А он подумал: «Может быть, итальянец, все-таки жив».

Патрон в рукаве

Слушать стихи, читаемые наизусть, в любом исполнении – для меня большое удовольствие. Я всегда радуюсь, когда какой-либо даже случайный собеседник что-то процитирует. Разве это не доказательство того, что люди в России, униженные нищетой и подгоняемые рыночной стихией к индивидуализму, носят в себе наряду с готовностью к самому худшему свет прекрасного, и, как бы там ни складывалось в жизни, душа их жива.

Петр Петрович Перевалов знал наизусть очень много. Но как он читал стихотворение Твардовского о Родине! Он не вкладывал каких-либо особых чувств в произносимые слова, но слушателей пробирало до доньшка души. Как-то просто и естественно было, слушая Петра, любить родину, когда на самом деле за годы перестройки в этой области эмоций появилась скованность, стеснительность и скрытность. В его интонации абсолютно отсутствовал пафос, необходимый в советские времена и сейчас уже износившийся и морально устаревший. Чувство патриотизма носило, я бы сказала, глубоко интимный характер, а если попытаться сказать еще точнее, высоко интимный характер.

Естественность и искренность звучала и при чтении стихов о природе и любви. Японскую танку о девушке, снимающей кимоно и открывающей маленькую грудь и большое чувство, Петр Петрович читал так, что каждому было понятно: он знает, что такое большое чувство не из стихов, а из своей

собственной жизни. И слушатель его с трепетом погружался в себя, а не мимо ли его личности пробежали большие, настоящие чувства.

Я стояла на остановке в ожидании автобуса, как неожиданно передо мной открылась дверца темно-серого и далеко не нового «Мерседеса». Петр Петрович предлагал подвезти домой. Радостно чмокнув друг друга в щечку, уже через несколько минут мы сидели у меня на кухне. Вскипел кофе, нашлось немного коньяку, и они были горячи и крепки, как подлинная дружба.

С Петром Переваловым мы познакомились в 1996 году, когда были избраны в Совет депутатов Балтийского городского округа, и садились за стол заседаний вместе, рядом. Временами он не появлялся на совет, так как был в командировках в Чечне. Знали об этом немногие, потому что он не хотел об этом говорить, а когда появлялся, уходил от вопросов, как «там», на войне, его интересовала жизнь «здесь», в мире, проблемы округа и друзей, решение этих проблем, праздники и будни.

Всегда аккуратно одетый, чисто выбритый, отглаженный, коротко подстриженный, Петр Петрович приходил на заседания совета в гражданском костюме серого цвета, который очень шел ему, к серо-зеленым глазам, к седым вискам над молодым лицом. Лишь через несколько лет после окончания работы того прежнего созыва депутатов нам удалось уговорить его прийти на нашу традиционную встречу по форме. Мы увидели капитана милиции со множеством медалей и в немом восторге замерли перед Орденом Мужества. Сколько раз собирались, встречались, находя поводы и темы для очередной встречи, но эту вряд ли кто-то забудет из-за ее особой душевности, пронзительной теплоты и нежности, испытываемой каждым ко всем и особенно к Петру.

Перевалов родился в 1967 году в Гомельской области, в деревянном сельском доме, став четвертым ребенком из шестерых детей. Когда ему был один год, родители переехали в Калининградскую область, в Черняховский район, в поселок Гремячий. Отец – белорус, мама – украинка.

Закусив коньяк лимоном, я предлагаю своему соотечественнику по месту рождения угоститься белорусским салом, которое привезла из недавней поездки к родителям. Он с удовольствием соглашается.

- Ты кем больше себя чувствуешь, украинцем, белорусом или русским? – спрашиваю я, ставя на стол тарелку с салом.

- Я чувствую себя украинцем, потому что все, что во мне есть хорошего и интересного, это от мамы. Мама научила читать, видеть прочитанное, чувствовать. Мама пишет стихи, песни. Она изумительно поет украинские песни и свои. Я так до сих пор не нашел возможности опубликовать ее стихи, но уже близко к этому стою. Мама воспитала меня таким, каким хотела бы видеть настоящего мужчину.

Я молча слушала, открывая для себя новую грань в личности моего товарища, такое чудное отношение к матери, благодарное, уважительное. Родился тост за мам и всех женщин, а Петр продолжал:

- И школу, восьмилетку, я закончил на Украине. Может быть, оттого что в детстве много раз переезжал, я не могу долго сидеть на одном месте. Приходишь куда-то, вбираешь все в себя, как губка, и тянет тебя к чему-то новому.

Я отлично это понимала. Когда я училась в 8 классе, у моего отца заболели почки. Врач посоветовал ему сменить климат. Родители продали дом и поехали в Крым, в Судак. Потом снова вернулись в Белоруссию. А я поняла, что сдвинуться с насиженного места не так уж трудно, как иногда кажется, а еще узнала счастье встречи с морем, увидела горы. Тогда родилась мечта – жить у моря, и она сбылась.

Петр Петрович до самозабвения любил природу, смену времен года, густой снег и проливные дожди, осенний запах листвы и нежную клейкость весенних набухших почек.

Поэтому после окончания школы он поступил в училище, закончил его с красным дипломом мастера садовода-декоратора. А потом служба в армии, испытание на прочность твоей личности. Мальчик Петенька превратился в командира орудия, лучшего в дивизии.

В Гремяченском совхозе вернувшемуся из армии Петру доверили заниматься выращиванием овощей, вскоре он стал управляющим овощеводства.

- 96 гектаров засаживали овощами, - рассказывает Петр в своей манере, просто, как будто речь идет о девяти квадратных метра. - Ходил пешком, исходил 96 гектаров вдоль и поперек. Молодой был, мимо девчонок тоже не проходил. После армии энергии было много. Потом перешел на элеватор, стал заведующим током. Мне очень нравилась эта работа. Но я ушел, из-за парторга. Конечно, я был молодой, я был зеленый, но я не люблю, когда на меня кого-то натравливают, занимаются кознями. Это был 1990 год, и я вышел из партии. А тут в пять часов утра приехал уазик, мне вручили повестку, и я оказался в Эстонии, стал лейтенантом запаса. Очень многому научили ребята из Москвы, очень многому, - повторил он задумчиво, вкладывая какой-то неведомый мне смысл, но я понимала, что если спросить об этом, в двух словах все равно не расскажешь, - сейчас, к сожалению, уже некоторых из них нет в живых. А Эстония тогда выглядела капиталистической страной, и я о многом призадумался, - Петр сделал паузу, улыбнулся и добавил, - когда покупал колбасу. Там я пробыл год и уехал с измененным сознанием.

Подогрелся на сковородке ужин, согрелся в ладонях коньяк. Да, мы взрослеем, стараюсь попевать за стремительно изменяющейся

жизнью. Но что-то в нас, меняющихся, остается неизменным, что-то, казавшееся стертым и обветшавшим, приобретает новый смысл.

- Чего в нашей дружбе больше, братства или товарищества? – спрашиваю я. Петр на мгновение задумывается, пухлые губы расплываются в улыбке, мягким светом вспыхивают глаза:

- И то, и другое, - отвечает он. - Но слово товарищ дискредитировало себя за советский период.

- А я недавно перечитывала Гоголя, встретила его фразу: «Нет уз святее товарищества» и прониклась ее здравостью. Если отбросить социализм, то эта мысль обретает новую актуальность.

Выпили по глоточку за святые узы, задумались. Святость и окаянство российского человека всегда занимали умы не только писателей и философов, но и просто думающих людей. Окаянство, идущее от «я все могу, все смею, все дозволено» губило, и наступало разочарование, сменялось покаянием и возрождением до нового соблазна и в судьбах поколений, и отдельного человека. И чем сильнее государственная или рыночная система толкают это поколение или отдельного человека к индивидуализму, тем сильнее его потребность в общности с другими, потребность в общении, той «роскоши», которая предпочтительнее всякой другой и которая в смутности и неопределенности времени приобретает такую остроту и пробиваемость, как последний патрон.

Вернувшись из Эстонии, Петр Петрович хотел заняться бизнесом: поехал в Вильнюс, что-то купил, здесь продал. Он пытался найти себя, выжить в круто изменившемся мире, но денег не было. Искал квартиру, чтобы там жить. Однажды в Вильнюсе познакомился с женщиной из Калининграда, которая посоветовала пойти в милицию: «Будете там работать, получите квартиру или хотя бы общежитие». Пойти в милицию Петр мечтал в 15-летнем возрасте, и вот снова мысль об этом заняла его. И он пошел устраиваться. Если бы хоть кто-то сделал хоть какой-то намек, что это за работа, никогда в жизни бы не пошел туда.

С ним очень долго беседовали. Спросили, какой иностранный язык изучал в школе, произнесена фраза по-английски, которую он не понял. Предложили работать водителем. Права у него уже были, все категории: А, В, С. Петр согласился, хотя города совершенно не знал. Он занимался много спортом, сломал ногу.

- Ногу ты сломал случайно или жизни учили тебя? – пересохшим голосом спросила я.

- Может, случайно, а может, учили, проверяли. А когда я вылезлся, я одним из первых попал в ОМОН. В рапорте писал, как и все: «Готов выполнить любое задание».

Но ничего, что требовало бы от Петра переступить через себя, не происходило, никаких крайних, радикальных заданий не поступало. А случилось совсем другое, пришла любовь, наполнившая сердце до краев. Ее

сиянию завидовали звезды, милой, нежной, женственной Оксане, сотруднице милиции, только окончившей юридический институт.

Петр женился и перешел в отдел профессиональной подготовки. Он хотел всему научиться, хотел всего достичь. Энергия была ключом и требовала выхода. Перевалов ненадолго ушел в уголовный розыск и съездил тогда на Кавказ. Никто не хотел ехать в Чечню, в декабре 1995 года, а он поехал. 24 декабря он уже был в городе Грозном.

- А какая задача была поставлена, можно узнать?

- Главная задача была выжить и вернуться домой. А вообще-то нужно было организовать временно управление. Площадь Минутку и все вокруг нее изучил, практически каждый квадратный метр обследовал. Я был на шестом блокпосту и четырнадцатом. Мы меняли москвичей. Условия жизни были ужасные, если это вообще можно было назвать условиями. Стоит ящик с патронами, ящик с гранатами, ящик тушенки, каша какая-то, и здесь же спим, едим. Пришлось первым делом наводить порядок в быту.

Первый раз попал под обстрел под Карагорском на перевале. Это был шок, хотя потом уже я понял, что это мелочь по сравнению с тем, что было потом. Я тебе показывал фотографию, на которой снят плакат «Быть в Чечне значит быть героем». Это действительно. То, что ты поехал в Чечню, ты уже совершил подвиг. И каждый день пребывания там – это тоже подвиг. Не все, что происходит там, фиксируется. И тот героизм, который проявляют ребята, остается никем не замеченным. Вот оттуда дорога шла на блокпост, где меня обучили, как вести себя, куда и как стрелять.

- Орден мужества ты когда получил?

- В 1996 году. Не спрашивай дальше, память моя избирательна. Что помню, а что нет. Помню, что была зачистка, был контужен, очень долго лечился. Помню, что спал ночью не более 5 часов. Да и невозможно спать. Как-то ночью фотографии делал, получились на снимке лишь нити летящих пуль.

В 30 лет Перевалов пришел в Управление по борьбе с экономическими преступлениями и по-новому начал жить, понял, что опять надо учиться. Он пришел в новый коллектив, стал общаться с людьми, встретил тех, кому благодарен по сей день.

- - Они меня не только научили правильно действовать, но и правильно жить.

- А на чем ты стоишь?

- Не понял. Переведи.

- Ты же все-таки реализуешь себя как личность?

- В свое время мне попала книжка «Уловка-22» Джозефа Хеллера. По качеству юмора можно сравнить с «Тринадцатью стульями». Я спасаюсь юмором.

- Я думаю, что в «Уловке» не юмор, там цинизм – как способ противостоять тому, что тебя не устраивает. Но я не заметила в тебе цинизма.

- Есть мысли, которые нужно спрятать очень глубоко, а может быть, высоко.

- А в повседневной жизни мы спасаемся какими-то маленькими радостями от общения, от какого-то хобби. Вот взять твои фотографии: красота природы и низость человека. Это тебя занимает?

- У меня есть несколько радостей. Это, прежде всего, книги. На них я всегда почти ползарплаты тратил. У меня очень много книг.

- Больше, чем у меня?

- Не знаю.

- Пойдем в комнату, ведь ты же у меня в первый раз в квартире.

Петру не захотелось подниматься, уходить с кухни:

- Попозже посмотрю. У моей мамы было больше книг, чем в библиотеке поселка. Мама была заведующей детским садом. Раньше я очень любил фантастику. Мама для меня из Москвы заказывала. Я был в курсе всех новых изданий. Теперь я увлекся психологией. Помню, как на партийной конференции купил Фрейда. И до сих пор покупаю книги по психологии. И в каждой книге, в каждом фильме я нахожу что-то для себя. Какую-то понравившуюся фразу я выписываю отдельно в блокнот. Обычно это фраза, ради которой написана книга или создан этот фильм.

- Со временем ты сам начнешь писать, я уверена.

- Мама сказала, что я не умею писать. У меня нет ритма.

- Отсутствие ритма – это тоже ритм, еще не названный.

- А еще у меня есть радость, когда встречаюсь с друзьями. Я тогда чувствую себя хорошо. Нам не надо друг перед другом красоваться, делать пальцы веером. А когда меня спрашивают о Чечне, я говорю: «Съезди, посмотри. Только знай, что неизвестно, привезут ли хотя бы твою голову домой похоронить, а вообще тебя и искать-то никто не будет».

В марте прошлого года шли мы пешком, потому что там, где мы шли, нет дорог. А утром выпал снег, и всем нам прибавилось седины. В ущелье появляются боевики. Думал, это последние минуты моей жизни. Но поговорили за жизнь и разошлись. Мои друзья сказали, что я уникам, что я для них просто находка.

- Стрелять было нечем?

- Почему же нечем? После 95 года меньше трех коробок я с собой не вожу. А нам дают только по 120 штук с собой. Это на одну минуту

боя. Я когда уезжал в Чечню, мой руководитель произнес: «Петя, помни, чем короче очередь, тем длиннее жизнь»

- В чем философия? Короче по расстоянию между тобой и противником? Короче по времени, то есть экономия патронов? Меньше убьешь – меньше греха на душе?

- Первая мысль, что за ерунда? Стреляй и стреляй на войне. Ты может, и чувствуешь, но точно не знаешь, сколько их, противников. Но тут есть несколько нюансов. Во-первых, магазин выстреливается в течение пяти секунд. Ты можешь и не заметить, как патроны уже закончились. Однажды у меня оставалось только два патрона: один в стволе, один в рукаве, для себя. Меня отсекали, патронов нет, чтобы отстреляться и отползти. Я оставался один.

Я слушала и ощущала какой-то гул в голове. В памяти мелькали телевизионные кадры, черные бороды, холодный блеск черных, как дуло автомата, глаз, грязно-зеленая униформа, нечто лиловое, лежавшее на земле, оставшееся от того, что было еще недавно человеческим телом. Мне вспоминались фотографии, сделанные Петром в Чечне: разрушенные деревни и города, дороги, над которыми стоит густая пыль, или разьеженные гусеницами бронетранспортеров. Вспомнились горящие нефтяные скважины, мечети, колючая проволока, воин, провалившийся в тяжелый и недолгий сон, зеленеющие склоны гор с маленьким хрупким придорожным цветком на переднем плане. Перед глазами стояли брошенные окопы, девочки в советской школьной форме, в белых кружевных фартушках с белыми капроновыми бантами на голове, памятник погибшим в Первой чеченской, изготовленный из подручных средств, пустые дома с черными закопченными стенами с темными провалами вместо окон.

- Тем более, им было известно, - продолжал Петр, - что я из ОМОНа, тем более из Балтийск, а тем более, я там был уже не в первый раз. И все же заповедь воина: прежде, чем выстрелить, подумай хорошо.

Мы двигались в уазике по дороге в сопровождении бронетранспортера. Я задремал, и снился мне дождь, проливной дождь. И вдруг взрыв, я залег у дороги. Ребята уже перешли на другую сторону, а я оставался с этой стороны, прикрывая. Потом выяснилось, что это были минуты, а мне это казалось очень долгим временем. Пули летели, как в замедленной съемке. Отца покойного увидел, маму вспомнил, и вдруг раздался звук, похожий на лязгающее закрытие лифта. Пролетела болванка бронебойного снаряда. Нас больше половины группы было ранено. Один мой товарищ из Пскова был ранен в ногу. Он был в пуховике, и раны не видно было. Он истек кровью. Когда нервничаю, у меня вот здесь, - Петя показал на ключицу - шрам краснеет. А вообще я в этом году побывал в очередной командировке, и у меня очень много шрамов зажило.

- Как это объяснить?

- Источники. Пил воду, купался в них. У меня осталось только шесть, самых больших шрамов.

Когда вернулся домой, вышел на работу. Мне никто не подсказал, а оказалось, я очень изменился, ни в плохую, ни в хорошую сторону, а просто на жизнь взгляд стал другим. И мне психологически досталось очень сильно. Нужно было не спешить на работу, нужно было побыть одному.

Люди относятся к нам как к нормальным людям, а мы уже ненормальные. Приходят мысли, которые нормальному человеку в голову не приходят. Очень тяжело изменить себя, переключиться. Я убеждаю себя, что это был сон. Как ты избавляешься от боли?

- Стараюсь заняться чем-то, чем-то отвлечься. Я иду в душ, включаю воду горячую, потом - холодную. И отвлекаюсь так.

- А есть ли какое-то материальное удовлетворение от поездок в Чечне.

- Вот ты «здесь» поломал палец, например, и получил пять окладов. А если ты был контужен в Чечне, ты тоже получил пять окладов. Палец скоро заживет, и ты забудешь о нем. А я даже при изменении погоды, просто вешаюсь. У меня все время при себе обезболивающие. Приступы бывают такие, что теряешь ориентацию в пространстве. Государство издевается над нами. Сейчас с нами работают психологи, сейчас центры есть, а тогда в 95, этого не было. Я когда лежал в госпитале, мне очень помог лечащий врач. И еще товарищи по палате. Один мне сказал: «Я научу тебя, как спать». В 96 году продавали водку в пакетах, и когда моих товарищей отпускали домой, они привозили по два пакетика. В общем, я вышел из госпиталя вполне отремонтированным.

- Наверное, твоя начитанность в психологии сыграла свою роль?

- Наверное, если мне, с «их» точки зрения, «неверному», разрешили попить из святого источника. Я привык уважать то, во что верят другие. Моя мама мне говорила: если ты чего-то не знаешь или не понимаешь, не хули это.

- Приблизительно об этом мой последний рассказ. Хочешь почитать?

- На войне не говорят последний, говорят крайний. Я с удовольствием читаю твой крайний рассказ... Когда я пришел в УБОП, когда узнали меня хорошо, мне предложили поехать в Чеченскую республику специалистом по вооружению, я люблю разговаривать с оружием на ты. Я приехал туда, и меня хотели оставить в Моздоке, но я сказал, что у меня написано – в Грозный, значит, в Грозный, в квартал, который штурмовала наша морская пехота. И я делал записи для себя в чеченской чековой книжке,

которую использовал вместо блокнота. Но я запечатал ее изоляционной лентой и до сих пор не открыл. Это было в 2000 году, я хотел вначале прочитать свои записки в ноябре того года, если вернусь, а если не вернусь, прочтет кто-то другой. Но прошло пять лет, я этот блокнот так и не открыл, пока это не нужно.

- Расскажи, пожалуйста, какую-нибудь подробность из жизни «там», - прошу я.

- Однажды в Грозном я отправился на рынок, купить патронов. Я объяснил, что я милиционер, а патроны у меня кончились. Патроны всегда были большим дефицитом и даже сейчас. Человек спрашивает:

- А сколько тебе нужно?

- А сколько у тебя есть?

Так была вычислена группа, торгующая оружием, предотвращен очередной террористический акт.

А в Шалимском районе меня взорвали. Мы с водителем автомобиля были в бронированных жилетах, и это спасло нас. Я был тяжело ранен и сразу потерял сознание, пришел в себя только в госпитале. Жара 36 градусов, а раненые лежат в палатках. Увидел себя в крови до пяток и снова потерял сознание. И опять не помню, что было потом.

- -Может, и хорошо, что не помнишь, не надо, когда надо будет, тогда и вспомнишь, - скороговоркой произношу я, стараясь облегчить разговор и вынырнуть из той глубины, в которой уже было опасно пребывать обоим. Я не боюсь рисковать, но если знаю, зачем. Бессмысленно посмотрев на монитор компьютера, я впервые обнаружила, что курсор мигает в ритме биения человеческого сердца. Выровняв биение своего с ритмом курсора, я почувствовала, что могу говорить. - А тебе мешает или помогает твоя эрудиция, начитанность, знание песен, стихов в работе? Кажется, это несовместимо?

- Это к работе не имеет отношения. Тебе дают задание, и ты его выполняешь.

- Ты кофе будешь?

- А что, ты торопишься?

- Нет, я буду пить чай, надо еще одну статью дописать, но я это сделаю завтра утром.

- А я выпью кофейку, сейчас читаю «Воспоминание о будущем», приду домой, буду дочитывать. Книга из вопросов. Мир в прошлом был другим.

- Главное, что он продолжается, - сказала я, удивляясь своей легкости.

- Все когда-нибудь заканчивается, - намекая на свой уход, ответил Петр.- Но, есть и вечное. Я пойду, - ласково добавил он.

Проводив Петра до лифта и передав приветы его жене и сыну, а вышла на балкон, подождала, пока Петр выйдет из подъезда. Мы помахали друг другу руками.

Приближался вечер, в окнах радостно зажигались огни. Люди возвращались с работы в скучавшие без них дома, обнимали домочадцев, касались губами теплой щеки, одевали уютные тапочки. Жизнь продолжалась, люди были способны любить этот продолжающийся мир, он в этом очень нуждался. И у этого мира были мы, как патрон в рукаве.

Гранаты и пирожки с мороженым

На кафедре математики давно бы разошлись по домам после приема экзаменов летней сессии, но заведующий, профессор Фролов Сергей Иванович, дождался знакомого человека из Германии, каждый год уже в течение лет десяти приезжавшего в Калининградскую область. И в этот раз гость не задержался, а пришел в условленное время. Они познакомились у памятника Бесселю, и с тех пор по приезду Вайс всегда навещал Фролова.

Вилли Вайс, цветущий мужчина, не смотря на его шестьдесят девять лет, одевался нарядно и ярко. Войдя в кабинет, он снял свой белый плащ и ярко-красный шарф и сел за уже накрытый стол, на котором стояли чашки для кофе, коньяк и бутерброды. Вилли был преподавателем истории искусств и мировой художественной культуры.

Фролов Сергей Иванович, еще недавно отметивший свое семидесятилетие, был одет в темно-синий костюм с голубой рубашкой, которые подчеркивали синеву его глаз, по-молодому сверкавших, особенно, если улыбался. Он был красив своей прямой осанкой. Серебристые тонкие усы придавали твердости его выражению лица, в беседе он мог поддержать любую тему, и это привлекало к нему его многочисленных друзей, уважавших его как ученого и любивших его как пианиста.

Профессор представил Вилли своего гостя из Москвы, доктора математических наук Васильева Юрия Викторовича, приехавшего в Калининградский университет на защиту кандидатских диссертаций. Юрий Викторович выглядел моложе своих пятидесяти девяти лет, седина слегка тронула его русые, зачесанные назад волосы, усталый, но внимательный взгляд говорил об огромном жизненном опыте, о постоянной внутренней работе, о быстроте мысли и мгновенном схватывании сути явления или человека. Крупные складки у переносицы и рта придавали мужественности и намекали на целеустремленность и умения сосредоточиться на поставленной самим собой или жизнью задаче. Одет был он демократично: в темно-синий свитер без горла, черные джинсы, и он очень часто курил.

Протянув рюмку с коньяком, чтобы чокнуться, московский профессор, признался, что не говорит по-немецки, но знает английский, и выяснил, что Вилли тяжело изъясняться по-английски, и, глядя на немецкого гостя, произнес:

- Вы, немцы, и мы, русские, ох, мы не мирные, но друг без друга жить не можем, за это и выпьем. – Сергей Иванович, знавший четыре иностранных языка, переводил с русского языка на немецкий и снова на русский. Юрий Викторович рассказал, что в его роду есть волжские немцы, что его отцу восемьдесят два года, что он прошел всю войну, начиная с 1942 года, был дважды ранен, под Курском и под Берлином, получил звание Героя Советского Союза.

- Когда мы спрашивали отца о войне, он, кроме слова «гадость», ничего не говорил, и до сих пор клещами из него никаких рассказов о войне не вытащишь. Мы, дети, спрашивали, что больше всего запомнилось в Германии, и он единственное, что отвечал: «Пирожки с мороженым». У нас в семье думали, что это у него легкое сумасшествие, а позже я узнал, что, действительно, немцы делают такое блюдо.

Вилли не подтвердил и не опроверг существования подобных пирожков, но стал рассказывать о своем отце.

- Мой отец погиб 9 апреля 1945 года недалеко от креста Святому Адальберту. Он служил в морской артиллерии. Отцу был пятьдесят один год. Я каждый год приезжаю в Калининградскую область, пытаюсь разыскать какие-то следы захоронений. Сейчас уже в том районе существуют три кладбища погибших во второй мировой войне: в поселке Русском, в Приморске и в Балтийске, но фамилии моего отца нигде нет. Один выживший товарищ моего отца рассказывал маме, что погиб отец именно у поселка Тенкиттен. Его накрыло гранатой, когда до окончания войны оставалось совсем немного. Мне надо определиться, на каком же из трех кладбищ правильнее поставить крест или камень в память об отце. В следующий раз мы приедем с сестрой и сделаем это.

- Если нужна будет помощь, - произнес Сергей Иванович, - обращайся. – Вилли поблагодарил.

- А мой отец пишет маслом картины, - продолжил Васильев. И тут же вспомнились ему работы его старика с изображением темно-красных плодов: кожистые листья, колючки, кувшинообразные цветы. - И рука его еще довольна тверда. Иногда это копии каких-то работ классиков, это для подарка или на продажу, а вообще больше всего он пишет гранаты, поражающие своей какой-то ужасающей красотой. Блеск зерен граната, оттенки бордового, они поражают, они красивы, но от них страшно. О различных сортах гранатов, их разновидностях отец может говорить часами: о Гюлоше розовой и о Бала-мюрсале, о Шах-наре и Казаке-онар, Ачик-Дона и других. Он все знает об этих фруктах. А вы знаете, сколько зерен содержит один плод? Вот и я не знал, а оказывается, от 400 до 700 семян.

- А Ваша мать жива? – спросил Сергей Иванович.
- Нет, она умерла три года назад.

Фролов вспомнил легенду о девушке Гранате, одной из трех дочерей старого рыбака, жившего у Черного моря со своею женой. Жизнь гостеприимных и добрых родителей омрачали дочери, злобные и некрасивые. Особенно попрекала отца с матерью за свой внешний вид Граната. И вот однажды иссякло терпение отца. Взмолился он к Всевышнему о снисхождении к нему. И Бог услышал его и превратил его дочь Гранату в дерево с цветами без запаха и темно-красными плодами – в гранат.

Сергей Иванович, которого наделила природа богатым воображением, тут же представил чувства отца его друга, влюбившегося в некрасивую женщину, оказавшуюся, возможно, и не очень доброй. Но сильное чувство его требовало выражения, и оно выливалось в оттенки красного на холсте.

Но он не стал об этом говорить, а вслух вспомнил античный миф:

- Гранат символизирует супружескую верность, - произнес Сергей Викторович. - Аид, когда отпускал Персефону на полгода к матери Деметре, давал ей зерна граната, чтобы она хранила ему верность и вернулась к нему.

- Даже если отец знает этот миф, вряд ли он вкладывает этот смысл в свои картины. Его гранаты ужасают. Он ничего не рассказывает о войне словами, но я чувствую, что через изображение этих красных плодов из него выходит тот ужас, который он пережил. – Юрий Викторович закурил и продолжил, обращаясь к Вилли:

- На Западе у вас очень много демократии, но мало свободы. У нас очень мало демократии, но много свободы. Спроси, Сергей, у Вилли: вот у меня русские и немецкие корни, когда я работаю по 12 часов в сутки, это у меня немецкая черта или русская?

- Где-то посередине, - улыбнулся Вилли.

- Переведи, Сергей, - Юрий Викторович подлил всем коньяка. - Я работаю как немец, а пью как русский.

Вилли снова вежливо улыбнулся и ответил:

-Я немец, но очень люблю Россию и русскую литературу. У нас в семье хранят историю о том, как брат моего деда встречался с Львом Толстым. Они беседовали о воспитании детей.

Собеседники тут же перешли на тему воспитания, ведь любой человек, независимо от национальности и профессии, считает себя хорошо осведомленным в области практической педагогики.

Сергей Иванович вспомнил Гранату, Юрий Викторович - пирожки с мороженым, а у Вилли перед глазами стояли ужасающие своей красотой ярко-красные зерна граната.

-

Под небом Вальдбурга

Повесть

Елена Свиридова, выполняя задание редакции, приехала на конференцию «Прибрежный: Прошлое. Настоящее. Будущее». За трибуной стоял студент исторического факультета университета и вдохновенно рассказывал довоенную историю поселка Прибрежный, в окрестностях которого с приходом Тевтонского ордена в XIV-XV веках возникли деревни Капустигаль, Хайде. Жители их ловили в заливе рыбу, которой было в избытке. Со свежее приготовленным судаком, копченой рыбой, предметами мелкого ремесленничества выходили жители поселков торговать на тракт Кенигсберг - Бранденбург.

Семьи здесь были многочисленные. Во всяком случае, в середине XIX века в Хайде-Вальдбурге проживало 180 жителей в 17 домах. Они посещали баптистскую церковь, выращивали картофель и овощи.

Со временем в поселке был построен небольшой кирпичный завод, глину из которого добывали рядом, раскопав огромные карьеры.

XX век привнес технические новшества: в поселке заработали две электромельницы и завод железобетонных изделий. Бывший тракт Кенигсберг – Бранденбург стал асфальтированной имперской дорогой №1 на Берлин. А семьи продолжали оставаться многодетными, крепкими дисциплиной и традициями. В канун второй мировой войны здесь жило уже 298 человек на 27 дворов.

Что касается сегодняшнего дня поселка, то из докладов выступающих выходило, что калининградский бизнес полюбил поселок Прибрежный, и из этого проистекали надежды на будущее. Планы развития поселка связывались и с усилиями по привлечению туристов, если учитывать культурно-историческое значение парка Вальдбург. Стоявший в нем когда-то дворец, построенный в стиле ренессанс, вторая мировая война, а затем послевоенное лихолетье не пощадили. Студенты и школьники выступили с анализом экологической обстановки в Прибрежном, состоянием воды в озерах, и выходило, что с экологией не так уж плохо.

Елена возвращалась в Калининград. В голове уже сложилась статья в ее традиционном стиле: в небольшом объеме текста сказать много. Принадлежа к журналистам-интеллектуалам, она увлекалась восточно-патристической традицией, и мысли ее плавно перетекли в размышление о том, что религиозная традиция раскрывается интеллекту как язык, который является не только системой знаков, но и самостоятельным действием. Его можно квалифицировать как “энергию”.

Автобус, везущий Лену в Калининград, раскачивался, как ее мысли: от Востока к Западу. Ей вспоминались обитатели Вальдбургского дворца, о которых приходилось читать не только в немецких, но и в русских книгах. “Это звездное небо, которое открылось Канту вместе с нравственным законом в душе, став для него важнейшими в мире вещами, - размышляла Елена, - эти

“вещи в себе” могли прийти к нему не в узеньких улочках Кенигсберга, а все же, скорее всего, под огромным небом Вальдбурга, сливающегося с синевой водной глади залива и от этого усиливающего впечатление своей бесконечности”.

Автобус подкатывал к Калининграду, и Елена, прежде чем выйти на своей любимой улице Багратиона, подумала, что по этой дороге ехал в Кенигсберг в какой-нибудь простой повозке ее любимый Готтфрид Гердер, философ и теолог, ученик Канта и учитель Гете, человек, который с такой любовью обратил свой взор на Восток, будучи совершенно очарованным славянскими песнями, историей древних славян.

2

- Когда я смотрю на тебя, мне хочется прищуриться, - говорил Павел. Такое сияние исходило от Елены, от ее открытой улыбки, серо-синих глаз.

Щеки Лены порозовели, по интонации и тембру голоса сидевшего напротив мужчины было понятно, что это не рядовой комплимент. Это немного больше, чем дружба, в пределах которой держала Лена свои взаимоотношения с Павлом.

Он тоже понял, что Лена чувствует его, понимает его радость от встречи и не то, что разделяет ее, эту особую, какую-то специфическую радость, а испытывает ее еще глубже и острее, чем он.

Павел протянул свою руку к Лениной щеке, едва коснулся кожи, и потому как неожиданно щека ее прижалась к руке и тут же отстранилась, поняла и Лена, что выдала свои чувства. Она внутренне замерла, потом посмотрела на Павла.

Он улыбался:

- Просто дружба, такая специфическая дружба.

В это время к их столику, наконец, подходила официантка с меню, положив перед каждым по толстой папке. Лена нехотя раскрыла свою, скользнула взглядом по ассортименту блюд и закрыла. Ей хотелось только мороженого, к нему маленькую чашечку хорошего кофе. Павлу хотелось водки «Флагман» с пивом. Тогда Лена заказала себе еще 50 граммов коньяку «Вальдбург».

- А вы не хотите форели. Свежайшая. Только приготовлена, - предложила официантка. Лена согласилась. В ожидании заказа, Павел и Лена, встретившись в кафе гостиницы «Москва», рассматривали большие фотографии группы «Битлз», которыми были украшены стены кафе.

«Все, что тебе нужно, это любовь», - вспомнилась Лене фраза из песни, мелькнул в памяти всеобщий восторг среди ее одноклассников, когда Гена Трофимов принес в школу еще бабинный магнитофон с записями «Битлзов».

- Я помню, как в последнем классе школы ездил в Англию, в Лондон, на концерт группы, мне особенно понравился Пол Маккартни, -

произнес Павел. – Помню предвкушение от этой поездки, необыкновенный подъем чувств на концерте и ощущение нереальности происходящего. Мой интерес к английскому языку и затем хорошее знание его начиналось с «Битлзов».

- А как твой русский, ты выучил новые слова?

- Дорогу осилит идущий. Я люблю, - с большим акцентом, и поэтому эту звучало немножко смешно, но мило, произнес Павел.

Официантка принесла заказ. Лена и Павел чокнулись рюмками:

- За удачную поездку!

- А куда мы сегодня едем? – спросил Павел. Он приезжал из Германии в Калининград примерно 3-4 раза в году, и, выбрав день, они с Леной куда-нибудь ехали в область или шли в музеи в Калининграде.

- Коньяк «Вальдбург» и форель откуда? Из поселка Прибрежного. Значит, туда мы сегодня и едем. Какая насыщенная событиями и известными именами история у имения Вальдбург, я давно там хотела побывать, хотя знаю, что от дворца ничего не осталось, но живописные остатки какого-нибудь мостика через ручей, растения интродуценты - всегда можно встретить что-то любопытное.

- Окей, - вставлял иногда английские словечки в свою немецкую речь Павел.

3

Поселок Прибрежный расположился на берегу Ушаковского залива, как он обозначен на карте области, и эта бухта является частью Калининградского, или Вислинского, залива. В начале 90 годов XX века в районе поселка Прибрежный проводились раскопки. Э.Б. Зальцман, начальник Неолитического отряда Балтийской археологической экспедиции Института археологии РАН, обнаружил с группой археологов поселение приморской культуры с богатым культурным слоем. С волнением рассматривал он находки, большинство которых составила керамика: всего около трех тысяч фрагментов сосудов, это амфоры, кубки, миски и плоскодонные горшки различных диаметров. Составляя отчет, он писал: «Наиболее крупные имеют диаметр 70 см и высоту 45 см, а маленькие сосуды – диаметром 4.5 см и высотой 5.5 см. Посуда отличается орнаментом, выполненном оттисками шнура в виде треугольников, полуovalов и просто горизонтальных и вертикальных линий». Академик бережно брал в руки, рассматривал со всех сторон светильники ладьевидной формы. Они вызывали в нем интерес и удивление. По всей видимости, для них использовался тюлений жир, так как некоторые немецкие историки указывают на то, что на побережье проживали когда-то стада тюленей, которые были уничтожены с приходом немецких рыцарей. Ученый вновь склонился к клавиатуре компьютера:

«Среди археологических находок также каменные мотыги, зернотерки, лезвия от серпов и множество каменных грузил от сетей для ловли рыбы.

Таким образом, следы проживания людей на территории современного поселка относятся еще к 3 тысячелетию до нашей эры”.

Закончив работу, он встал и посмотрел за окно, за которым притихла перед рассветом Москва, но мысли Эдуарда Борисовича были в Калининградской области, в кусочке России среди стран Европейского Союза. Мелькнул в памяти музей янтаря, башня графа цу Дона, род которого так тесно был связан с Вальдбургом.

4

Ханс-Пауль Лео, которого Лена по-русски называла Павел, считал себя человеком мира. Он родился в Гамбурге. Пассажирские и грузовые судна, военные корабли каждый день заходили в порт и выходили из него, отправляясь в далекие страны. Воображение маленького Пауля волновали своей грандиозностью портовые краны, причалы, огромные пароходы, возвращавшиеся домой с призывными гудками, несшие на себе неуловимый отпечаток воздуха дальних стран, каких-то других небес, трав и цветов, других запахов и другой речи. Эту разноязычную речь слышал он среди выгружавшихся с парохода пассажиров, и желание понимать ее привело к знанию пяти языков, кроме родного немецкого. Впрочем, детское желание проникнуть в тайны чужой речи и открыть просторы мира, с возрастом все более удовлетворялось. Получив профессию специалиста по консалтингу портовых и гидро-технических сооружений, он объехал практически весь мир, побывал во всех странах, имеющих порты.

5

Луиза Катарина, урожденная Раутер, наклонилась над кроватью, где спал годовалый сын Фридрих Вильгельм, названный в честь курфюрста, которого потомки назовут Великим. Спрятав руки сонного мальчика под перьевое одеяло, Луиза Катарина, вдовствующая хозяйка имения Капустигаль, направилась со свечой в кабинет мужа, за столом которого теперь часто засиживалась над книгами и чертежами будущих водных каналов, которые она намерена построить. Необходимо было в самое ближайшее время встретиться с курфюрстом. Придя к власти в двадцатилетнем возрасте в 1640 году, курфюрст Фридрих Вильгельм был разочарован своей изнуренной тридцатилетней войной страной и расстройством государственных дел, которые оставил ему отец Георг Вильгельм. Мыслями он часто возвращался в чистенькую, ухоженную Голландию, где он прожил большую часть своей жизни, и к своим друзьям, голландцу Бенджамину Рауле и итальянцу Филиппу Чизе. Архитектор и фортификатор, Чизе прибыл по просьбе курфюрста в Пруссию, где стояла недостроенная крепость в Пиллау. Там же курфюрстом задумано было создать свой флот и завоевать колонии в Индии и Африке. Чизе получает от

курфюрста во владение деревню Капустигаль. Здесь он и поселился в новом доме со своей женой Луизой Катариной, «рыцарем женского рода», как он ее называл. Жена курфюрста Луиза Генриетта, сопровождавшая мужа в его походах, была под стать умом своему прозорливому мужу. С Луизой Катариной она легко сдружилась. Образованные, легкие на подъем, великолепно владевшие верховой ездой, глубоко верующие лютеранки.

Луиза Катарина сидела в кабинете за просторным столом и еще раз перечитывала указ курфюрста ее супругу о строительстве двух каналов в районе Тильзитских земель. Средств не хватало, но курфюрст пожаловал мужу 12 деревень с прилегающими землями, и на доходы с них нужно было начинать мелиоративные работы, рыть каналы и строить дамбы. После внезапной смерти мужа, отправившегося за чертежами и новыми разработками в Голландию, известную своими каналами и гидротехническими сооружениями, Луиза Катарина принимает решение о том, что строительные работы возглавит она сама. Филипп оставил четкий и ясный план. Как и что нужно делать с мелиоративными работами и гидротехническими сооружениями было ясно. Непонятно лишь было, как находить средства на строительство каналов. Приходилось обдумывать, горох или овес высеять этой весной в ее 12 деревнях, рассчитывать, какие доходы можно выручить с урожая осенью и сколько из этих средств пустить на строительные работы.

«Рыцарь женского рода» легко проскакала верхом от Капустигаля до Лабиау. Цветущие кусты боярышника, вид на синеющую Дейму из окна замка Лабиау помогли Катарине ощутить какую-то внутреннюю уверенность в том, что встреча с курфюрстом будет полезной, что он со свойственной ему смекалкой подскажет неожиданный выход. Работы по строительству канала между Гильгой и Немонин уже шли полным ходом. Но курфюрст неожиданно заговорил совершенно на другую тему:

- Негоже такой красивой женщине жить одной. Я никогда не забуду моего друга Филиппа, но период траура закончился, я подыскал тебе жениха. Это Рутен Трухзес цу Вальдбург, комендант моей крепости Пиллау.

Смотрины были назначены на День Святой Катарины, и Луиза Катарина вскоре стала женой Рутена цу Вальдбурга. Капустигаль был переименован в Вальдбург. Перед домом были разбиты две огромные клумбы. Через год Луиза Катарина родила мальчика. Эти события немного отвлекли графиню Вальдбург от главного дела ее жизни - строительства каналов, но время шло. Луиза Катарина, похоронила своего отважного второго мужа, дважды выступавшего с войсками курфюрста против турков и умершего мирно и тихо, в карете на переезде от Кенигсберга до Пиллау. Тяжело восприняла смерть Великого Курфюрста в 1688 году. Вернувшись с его похорон в Берлине, графиня Трухзес цу Вальдбург снова все силы бросила на строительство каналов и завершила это строительство к 1697 году. Реки Гильге (Матросовка) и Немонин соединились каналом у деревни Петрикен

(Фонтанка Славского района). Второй канал соединил реки Немонин и Дейму от деревни Немонин (Головкино Славского района) до Лабиау (Полесск). Приближался день открытия каналов. Он был назначен на 11 июля, на день рождения курфюрста Фридриха Третьего, как подарок ему. Хотя еще при строительстве каналы уже начали называть Трухзесскими, по инициативе Луизы Катарины они были названы Большим и Малым Фридрихсграбе. Их строила мудрая и могущественная женщина 24 года, и она узнала вкус победы.

- Эти каналы служат людям и сегодня и называются Приморский и Полесский, - закончила свой рассказ Лена.

- Потрясающе, - произнес Павел, - я никогда не слышал об этой женщине.

6

Заказанное такси, в котором мчались Лена и Пауль, вырулило на улицу Багратиона, проехало через готические и в то же время напоминавшие Лене что-то славянское, схожее со старым входом в Третьяковскую галерею, Бранденбургские ворота, помчалось по гладкому асфальту недавно отремонтированной улицы Суворова.

У Лены была страсть к путешествиям. Еще студенткой Белорусского университета она объехала весь Крым, Кавказ и Молдавию, каждое лето на каникулах отправляясь на сельскохозяйственные работы в составе студенческого так называемого стройотряда. В зимние каникулы на недельку ехала в Ленинград, а на пятом курсе, чтобы написать дипломную работу, - в Москву. Знание немецкого языка укрепилось в период пребывания с мужем, лейтенантом Балтийского флота, в Восточной Германии, на полуострове Вустров, который омывается с одной стороны водами залива, с другой – моря, на которое смотрели окна их трехкомнатной уютной квартиры. Фрау Бианка Френц с мужем Лютцем приходили в гости из расположенного у моря, совсем неподалеку от Вустрова, маленького сказочного городка Рерика. Лютц был военно-служащим на контрактной основе, Бианка преподавала в школе русский язык. С удовольствием делились рецептами национальной кухни. Лютцу очень нравились белые грибы, собранные в белорусском, быховском лесу мамой Лены. Костя, муж Лены, приносил из холодильника купленные в военоторговском магазине советскую красную икру и немецкий яичный ликер, называя его «желтеньким», намекая на цвета немецкого флага и тем самым демонстрируя знаки особого уважения иностранным гостям. Бианка встречалась с Леной часто, и без мужей их отношения носили более естественный характер, были человечнее и теплее. Присматриваясь друг к другу, с удивлением открывали они для себя, что какие-то национальные черты мало значат в их дружбе, их сближал одинаковый интерес к миру, к людям, к искусству, литературе, «необузданный», как выражался Костя, оптимизм, вера молодых и, как им тогда казалось, просвещенных, женщин в свою счастливую звезду. Благодаря Бианке, Лена побывала чуть ли не во всех театрах, музеях и галереях в

Ростке, а знание немецкого языка позволяло отправляться в поездки в Берлин, Потсдам, Дрезден, Лейпциг, Штральзунд.

Покидая этот чудесный полуостров Вустров, направляясь с мужем и детьми в Калининградскую область, Лена еще не знала, что пройдет всего лишь пять лет, и рухнет Берлинская стена, в течение короткого времени опустеет полуостров Вустров. А еще через некоторое время Елена найдет в Интернете сведения о том, что долгое время бывший гарнизон группы светских войск в Германии Вустров скучно смотрел пустыми окнами в бурно изменяющийся вокруг мир, пока, наконец, не приобрел его предприниматель из Берлина, задумав создать новый оздоровительно-развлекательный комплекс под названием Белый город. Лену удивило это название, в нем чувствовалось нечто восточное, также как удивительны были размещенные в Интернете впечатления журналистов, которые приехали на Вустров в последний день отъезда советских офицеров, мичманов и прапорщиков. Провожать их пришли и приехали друзья из близлежащих городов и поселков Восточной Германии: «Мы пришли проводить наших друзей из России, Украины, Белоруссии. Мы принесли им на память подарки. Нам действительно не хочется расставаться с людьми, с которыми было столько радостных, теплых встреч».

Однажды, готовя статью на темы охоты, Лена снова нашла в Интернете слово Вустров, который был в ряду других советских покинутых гарнизонов по всей Восточной Европе. Некий автор рассказывал историю, которую можно включить в ряд тех, что звучат среди охотников на привале. Как известно, в советские времена воинские части держали свои подсобные хозяйства, и когда срочно покидались гарнизоны, раскрывались ворота хлевов, свиньи разбредались, и происходило скрещивание диких свиней с домашними. Вот на этот гибрид будто бы и отправлялись охотиться небедные любители хобби, которое в древние времена было основным занятием мужчин. Это навело Лену на мысль о некой символичности то ли происшедшего, то ли выдуманного, о неистребимом желании природы, простых людей соединяться в любви и дружбе, и о таком же неуклонном желании политиков, сильных мира сего отстреливать и истреблять все, что не поддается их мертвящему контролю.

7

В Вальдбурге праздновали Рождество и ожидали в гости курфюрста Фридриха Третьего. После смерти отца, став во главе Прусского государства, Фридрих Третий стал мечтать о королевстве, и мечте его суждено было сбыться. В войне за испанское наследство император Священной Римской империи Леопольд Первый попросил у Фридриха Третьего прусских солдат в обмен на королевскую корону. Кенигсбергский замок был выбран местом коронации, назначена дата этого важнейшего события - 18 января 1701 года. Курфюрст прибыл сюда вместе со своей супругой Софией Шарлоттой, образованнейшей женщиной своего времени, ученицей К.Лейбница, покровительницей ученых, с наследным принцем,

огромной свитой и 300 повозками. Четыре герольда, два барабанщика и двадцать четыре трубача в сопровождении шестидесяти представителей знати прошествовали по городу с извещением о предстоящем, важнейшем для статуса Пруссии в Европе, событии.

Последнюю ночь перед коронацией Фридрих Третий, прежде чем стать королем Фридрихом Первым, провел во дворце Вальдбург. В каминном зале перед зеркалами была вновь примерена королевская мантия с золотыми пуговицами. Расположившись у камина с широкими и низкими бокалами в руках, согреваемых грогом, Луиза Катарина с сыновьями сидели перед будущим королем, который держал на коленях державный скипетр, усыпанный алмазами, - подарок российского царя Петра Первого.

- Мною будет учрежден рыцарский орден «Черного орла», - делился своими планами Фридрих Третий, - и вы, мои друзья, - обратился он к сыновьям Луизы Катарини, - будете среди первых его членов. Я буду, - повернул курфюрст лицо к своей просвещенной супруге, - справедливостью на мир воздействовать.

Луиза Катарина отвела для ночлега завтрашнему королю и ее почетному гостю лучшую комнату в их дворце, построенном ее первым мужем Филиппом Чизе. В течение двух с половиной столетий потомки показывали эту комнату своим гостям: «Здесь почивали Фридрих Вильгельм с Софией Шарлоттой». В честь королевы была названа внучка Луизы Катарини. Графине Тругзес цу Вальдбург оставалось жить два года. До последних дней она была живым примером того, что и старость может быть счастливой. Утром высокие гости направились в Кенигсберг, а Луиза Катарина - в церковь своей покровительницы, Святой Катарини. Не раз она обращала свои молитвы к святой в период строительства каналов. Графиня возвела кирху, когда завершены были все работы.

8

В начале 90-ых годов 20 века бывшие жители Восточной Пруссии стали активно посещать Калининград, свои родные города и поселки, пытаясь отыскать дома и улицы, где они родились и провели свои детские годы. Знание Леной немецкого языка снова оказалось востребованным. Милые старики и старушки привозили с собой, присылали и дарили книги и старые виды довоенных городов и поселков, узнав от Лены, что самыми прекрасными вещами в мире она считает историю, философию и поэзию.

Будучи по заданию редакции на презентации одного из международных, российско-литовско-германских проектов, Лена два года назад познакомилась почти с ровесником, который всего лишь на полтора года был старше ее, Хансом Паулем Лео. Она окрестила его Павлом и так к нему обращалась, не замечая в нем сопротивления. Он тоже привозил ей книги по истории Восточной Пруссии, не особенно углубляясь в их содержание, но любил слушать рассказы Лены, когда они направлялись куда-нибудь на очередную прогулку или в поездку. Руины обретали плоть краснокирпичных замков или дворцов с колоннами, в них звучали голоса реально

существовавших мужчин и женщин, смех детей, залиvistый лай собак, стук подкованных лошадей, хриплый клекот охотничьих соколов, звон тяжелых мечей и переливающихся искристым вином бокалов, гул орудий, тиканье каминных часов, отмерявших скоротечные жизни, звуки рояля в гостиных, скрип старой липы в саду, шепот влюбленных в розовом саду и змеиное шипение подлых наветов, гудение ветра в парусах, шелест шелковистых трав и цветов в заливных лугах.

9

Шел 1758 год. Пруссия, как провинция России, присягнула на верность императрице Елизавете Петровне. Губернатору барону Корфу на подносе внесли в кабинет свежееотчеканенную монету с профилем Елизаветы, где на немецком языке по окружности шла надпись: «Elisabet – König von Preußen», не королева, и именно –король Пруссии. Впрочем, Корфу было недосуг об этом подумать. В мыслях своих он был уже на балу, он представлял, как поведет в танце очаровательную графиню Кайзерлинг, хозяйку лучшего светского салона в Кенигсберге.

Молодая графиня, стройная и милая, проходила по своему «Дому муз», как его называли не только в Кенигсберге, но и в Берлине, отдавала распоряжения слугам, проверяла, достаточно ли натоплено, много ли в запасе свечей, доставлена ли из Вальдбурга свежая форель на ужин для гостей. Она зашла в детскую, ласково пожурила расшалившихся сыновей, зашла в гостиную, где за роялем сидел, репетируя, Карл Готлиб Рихтер, камерный музыкант графа фон Трухзес цу Вальдбург, приехавший в Кенигсберг, чтобы стать главным пианистом Кайзерлингов в их вечерних концертах.

- Как прошел вчера Ваш органнй концерт в Доме (так называли в те времена кафедральный Собор на острове), дорогой Карл? - спросила маркиграфиня. Рихтер встал и приложился к руке Каролины Амалии:

- Благодарю Вас за Ваше содействие, за возможность освоить сей великолепный инструмент. Мне трудно сказать о слушателях, но я получил истинное наслаждение от звучания божественного Баха. Как будто он жил на какой-то вершине и записывал голоса говорящих звезд. Могу ли я просить Вас поддержать меня в следующей идее? Я хотел бы собрать любителей музыкантов в оркестр и исполнить с ними симфонию Моцарта.

- Конечно, я помогу Вам, дорогой Карл.

В те времена еще не было профессиональных музыкальных оркестров, но уже всходила заря этого величайшего проявления музыкальной культуры.

Вскоре стали съезжаться гости: жизнерадостные русские офицеры, местная знать. Пришел молодой живописец и гравер Даниель Ходовецкий. Его работа, созданная им пять лет назад, – сцена из быта “В семейном кругу”- сразу сделала его заметной фигурой в области живописи. Графиню привлекали минитюрно тонкие гравюры Ходовецкого, иллюстрации к книгам Лессинга, Гете, Руссо, Солледа, Красницкого.

- Как удастся Вам, герр Ходовецкий, быть столь непохожим на других, столь оригинальным художником?

Даниель Ходовецкий обожал маркграфиню. С ней можно было говорить всерьез:

- Молодые люди, посвятившие себя живописи, так долго копировали эстампы и картины, что когда они обратились к природе, то нашли, что природа не похожа на то, что они привыкли копировать.

- Вы изучаете только природу?

- Совершенно верно, я изучаю только природу. В природе я нахожу самое большое удовлетворение и пользу. Она мой единственный учитель, вождь и благодетель.

- А что Вы скажете о классике? Мы обязательно продолжим нашу беседу. А сейчас, я прошу прощения, мне нужно подойти к Канту.

Молодой ученый Иммануил Кант был домашним учителем младшего брата Каролины Амалии Фридриха Людвига II. Он прибыл из имения Вальдбург, и маркграфиня поинтересовалась здоровьем своей семьи.

- Слава Богу, все здоровы, - ответил Кант. Успокоенная Каролина Амалия повела Канта в свой кабинет, чтобы показать ему его портрет, законченный маркграфиней накануне.

Канту портрет понравился. Он не переставал удивляться способностям Каролины Амалии в философии, в живописи, в искусстве ведения беседы, называя ее не иначе как «Украшением среди женщин».

Каролина Амалия Кайзерлинг, урожденная фон Трухзес цу Вальдбург, была выдана замуж за маркграфа Христиана Генриха Кайзерлинга, выпускника Альбертины (Кенигсбергского университета). Муж был старше ее на 28 лет, еще в 1733 году он на несколько месяцев возглавил Российскую академию наук, при императрице Анне Иоанновне был вице-президентом Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел. Несмотря на разницу в возрасте, графиня не чувствовала себя рядом со своим мужем ребенком. Ее разносторонние интересы в области музыки, живописи, литературы, прикладного искусства привлекали к ней самых передовых людей того времени. Не только Кант, но и Гаман, Гиппель, Шеффнер получали удовольствие от беседы с Каролиной Кайзерлинг.

Шли годы. Завершались 60-годы XVIII столетия. Каролина Амалия в своем кабинете, в доме на Фордерграсгартенштассе, сидела за мольбертом, пытаясь поймать изумительные оттенки серого тумана, поднимающегося над Преголем, и словно плывущей в нем замковой башни. Постучалась служанка: прибыло письмо из России. Графиня Екатерина Романовна Дашкова, дочь графа Р.И. Ворнцова, сподвижница императрицы Екатерины II, участница переворота, приведшего Екатерину II на престол, Президент Российской Академии и директор Петербургской Академии наук извещала о своем намерении направиться в путешествие по Европе с остановкой в Кенигсберге у Кайзерлингов.

Екатерина Дашкова и Амалия Кайзерлинг общались целую неделю. Взаимный интерес и уважение друг к другу, к наукам, искусству не ослабевали у этих незаурядных женщин.

В 1786 году по предложению художника Даниеля Ходовецкого Каролина Кайзерлинг была удостоена звания почетного члена Королевской Академии искусств и наук в Берлине.

10

Выйдя в Прибрежном у пирса, чтобы полюбоваться на синь воды Ушаковского залива, Лена и Пауль отпустили такси. Они направились к зданию бывшей школы, где сейчас дом быта, сберкасса и библиотека. В душе у Лены горело негодование от поразившей даже ее замусоренности поселка. Она не могла себе, тем более Паулю, объяснить, почему вокруг даже маленьких, частных домов трава прикрыта пластиковыми бутылками, слежавшимися целлофановыми пакетами, блеклыми бумажками. Неужели люди не найдут полчаса времени, чтобы взять грабли и убрать хотя бы возле своего дома. Лена вспомнила домик своих родителей в Беларуси, себя с веником и граблями, свою маму, содержащую в чистоте не только дом, дворик, но всю часть улицы напротив дома. И также делают ее соседи, ее друзья и знакомые.

Пройдя между запущенных многоэтажек, каких-то низких барачков, где некоторые окна занавешены какими-то старыми одеялами или пыльными, длительное время не стиранными, желто-коричневыми тюлевыми занавесками, Лена и Пауль вышли к более ухоженной территории, к оригинальному памятнику павшим в Великой Отечественной войне в виде соединенных в вершине колонн из красного мрамора. По периметру ограды располагались каменные квадраты с извлеченными из них вандалами новейшего времени табличками из цветного металла, на которых были выбиты имена павших героев. Что чувствовал получеловек, сдиравший металлические таблички с могил? Почему его так обделил Господь, лишив человеческого достоинства? Красные звезды на каждом из каменных квадратов потускнели и цветом своим напоминали лицо молчаливо прошедшей мимо и пьяно шатающейся женщины в бордовом платке и грязно-желтой куртке. Какие у нее дети? Что может она им дать? Чему научит? Какие ценности привьет?

11

Ученик Канта и брат Шарлотты Амалии Каролины Кайзерлинг – Фридрих Людвиг II – был полон вдохновения в своем замысле создать парк вокруг имения Вальдбург на площади в тридцать гектаров. Он пригласил известного ландшафтного архитектора Линне. На следующий день после приезда архитектор отправился изучать местность. Граф Вальдбург приказал подготовить две лошади, и, усевшись в седла, они дернули за поводья скакунов, направив их по Бычьей аллее. Людвиг рассказал историю названия этой аллеи, как сто лет назад сюда приходил зубр, и конюх Ханс подкармливал его сеном.

Вскоре проект Линне был готов, начались работы по выкапыванию двух прудов. Один из них был в виде подковы, в середине которой была возведена беседка, где можно было отдохнуть во время прогулки. В другом пруду поселили лебедей с домиком для них посреди водоема. Были разбиты в северо-западной части парка ровные дорожки, которые образовывали правильные геометрические фигуры, а в восточной и юго-восточной части – с элементами ассиметрии, прихотливыми закруглениями. Граф заказал деревья интродуценты. В течение многих лет из разных стран мира в Вальбург доставлялись из Северной Америки тсуга канадская, пихты: арizonская, бальзамическая, благородная, одноцветная; псевдотсуга Мензиса, кипарисовики: Лоусона и путканский. Ели: колючая и белая, туи: гигантская и западная, сосны: желтая и скрюченная, орех черный, дуб болотный, черемуха поздняя.

Из Японии была привезена криптомерия, лиственница, туевик, пихта Вича. Пихта Нордманна прибыла с Кавказа, скумпия обыкновенная – с юга Европы.

Великолепно смотрелись среди подстриженной зелени травы декоративные, с особым окрасом листьев, с кронами, причудливо сформированными или в строго геометрических формах, пихты, туи и можжевельники.

Вдоль Лосиной аллеи высажены были грабы, липы сердцелистные, можжевельник китайский.

Когда в 1922 году в парк прибыло Немецкое дендрологическое общество, исследователей поразила туя гигантская колоссальных размеров. До земли спускались изогнутые ветви, закрывая росшие под деревом крупные грибы. В изумлении рассматривали члены общества пихту белую, уже состарившуюся, со змеевидно изогнутыми ветвями. Их внимание привлекло до семидесяти деревьев и кустарников, лиан, и, конечно, Розовый сад, заложенный в 1910 году, насчитывавший до ста сортов роз.

12

Не глядя на Пауля, Лена двинулась к трассе Калининград – Мамоново. Он шел рядом, но Лена испытывала не чувства стыда перед Паулем, а молчаливо возмущалась неряшливостью людей, дошедшим до крайности либерализмом властей и их полным безвластием, нищетой и убожеством поселка, мнимой жилищно-коммунальной реформой. Увидев впереди самосвал и людей в оранжевых жилетах, занимающихся ремонтом дороги, с трудом она заставила себя поднять глаза и посмотреть в лицо Пауля. Оно было направлено к ней, выражало сочувствие и понимание ее чувств. Лена поняла, что он ждал, когда она обернет свой взгляд к нему и приготовился подставить свое плечо в ее отчаянии, растерянности, совестливости, уязвленном самолюбии, оскорбленном грязью достоинстве.

- На Западе, в Германии средства массовой информации постоянно рассказывают негативные вещи о России, о спиде, туберкулезе, проституции. Но я езжу в Кенигсберг – он всегда называл Калининград

Кенигсбергом – уже 10 лет и вижу, как изменяется все к лучшему: появляются красивые магазины, офисы, становятся лучше дороги. Об этом у нас не пишут, но я и другие приезжающие, мы это видим.

- Спасибо, - лаконично ответила Лена, отмечая про себя какое-то едва ощутимое облегчение в душе.

Лена и Пауль пересекли автотрассу Калининград – Мамоново и двинулись по более узкой асфальтированной дороге. Вскоре они свернули влево перед проржавевшей металлической табличке на столбе, где среди ржавчины можно было различить отдельные буквы русского алфавита, из которых выходило, что здесь начинается парк Вальдбург. Тягостное чувство стыда, которое испытала Лена, стало медленно вытесняться наслаждением от встречи с природой. Первые апрельские дни выдались необыкновенно теплыми после снежной затяжной зимы. Слышны были короткие очереди стука дятла, трудившегося над лечением деревьев, заливались пением невидимые птицы, на глазах набухали почки деревьев, заждавшихся тепла. Показался огромный задравшийся корень ясеня, упавшего прямо на Лосиную аллею, по которой шли Лена и Пауль. Он обошел, продираясь сквозь голые заросли, вокруг упавшего дерева, а Лена напрямую перемахнула через раздвоившийся ствол, слегка испачкав полы своего пальто зеленым мхом, густо покрывавшем упавший ясень. Пауль подошел, и они вдвоем принялись отряхивать ее пальто, а потом Лена посмотрела на край его брюк, на которых повисли прошлогодние истончавшие темно-серые листья. Он поймал ее взгляд, сбил рукой прицепившиеся листья, в которых так мягко утопали ноги. На пруду, показавшемся среди деревьев, еще лежал покрытый не растаявшим снегом лед, а вот с прозрачного ручейка он сошел. Лена и Пауль остановились на краю мостика через зеленоватый ручей, который казался неподвижным и безмятежно отражал в себе светлое небо с наклонившимися деревьями. Мостик был полукруглым, выложенным красивой кладкой красным кирпичом чьей-то умелой рукой, но следы времени уже легли на эту местами вывалившуюся кладку.

13

В 1810 году Фридрих Людвиг II умер. Кончину его ускорило отвращение к французской армии, оккупировавшей Пруссию, в том числе Вальдбург. Поведение французов было столь невыносимо, что когда в 1813 году в имение въехали русские, преследующие наполеоновские войска, граф Фридрих Людвиг III, унаследовавший Вальдбург после смерти отца, приказал устроить торжественный прием русским офицерам. Фридрих Людвиг, генерал-майор прусской армии, вскоре после победы над Наполеоном, перешел на дипломатическую службу, а весной 1814 года ему было поручено сопровождать поверженного Бонапарта на остров Эльбу.

Будучи послом в Сардинии, Фридрих Людвиг не забывал своего Вальдбургского имения. Итальянский классический стиль приобрел его дворец, в Вальдбург морским путем был привезен из Италии мрамор. Доставка его принесла много хлопот. Судно, груженое мрамором,

напоролось в заливе, уже в акватории, принадлежащей графу, на мель под названием «Вшивый ангел». Пришлось израсходовать немало средств, чтобы нанять облегченные лодки, нанять грузчиков и доставить все-таки мрамор в Вальдбург.

Из Италии прибывала мебель, картины, фарфор. Работы голландских и итальянских мастеров XVII-XVIII веков дополнили коллекцию, которую стал собирать еще Фридрих Трухзес Вальдбург, прибывший из Эльзаса на службу к герцогу Альбрехту в 1525 году.

Фридрих Людвиг воздвиг в имении Вальдбург также двухэтажный зал, в котором разместилась библиотека в 10 тысяч томов, коллекция картин, скульптуры и фарфор. Скончался граф в 68-летнем возрасте в Италии и был похоронен в Турине. На нем прервалась мужская линия Вальдбургов.

14

Лосиная аллея стала расступаться, и на открывшемся пространстве показался слегка недостроенный белокирпичный трехэтажный домик с окнами, полукруглыми в своей верхней части. Залаяла светло-рыжая собака, которую, как потом выяснилось, звали Живчик. Лена с Паулем подошли к простым металлическим воротам, увитым виноградом. В верхней части их были нарисованы красной краской три круга знамени мира. Здесь же росли молодые туи. Чуть поодаль – псевдотсуга, лиственница, светлел голыми ветками закругленный куст жасмина.

После тенистой Лосиной аллеи открытая территория у дома с невысокими кустами роз, их крепкими глянцевыми темно- бордовыми листьями, вся залитая ярким весенним солнцем, показалась какой-то отдельной сказочной страной. Вокруг запущенный лес с необрунным сухостоем, на шоссе бесконечный поток машин с выхлопными газами, заваленный собственным мусором поселок - и полный контраст этому: приготовившаяся к весеннему пробуждению природа, первые пчелы, первые бабочки под ярко-голубым весенним небом и небольшой домик, в котором живет художник Андрей Яснев.

Он вышел навстречу путникам, выслушал извинение за внезапное вторжение, пригласил в дом. Просто одетый, худощавый, стройный, уже сидящий мужчина был мастером живописи. На стенах дома всюду висели его картины.

15

Дочь Фридриха Людвиг III, София Фредерика, унаследовав от отца имение Вальдбург, вышла замуж за графа Рихарда цу Дона-Шлобиттен, принадлежавшего к знаменитому в Пруссии роду графов Дона и покинула родной дом, проживая в Кенигсберге. Имение Вальдбург в течение длительного времени оказалось без хозяйской заботы. Парк стал зарастать дикими порослями, скучно стоял опустевший дворец. Возмужавший сын Софии Фредерики, наконец, проявил заботу о захиревшем имении. Эберхард I цу Дона, прочитав дневники своего деда, его впечатления от проживания в Италии, приступил к приведению в порядок имения Вальдбург, частичной

его перестройке. Отвлекали дела в Кенигсберге, строительство городской водопроводной сети позволило провести водопровод в его собственный дом, акции в первом имперском банке требовали внимательного отслеживания финансовых процессов.

Эберхард вышел из недавно построенного нового здания биржи по проекту бременского архитектора Мюллера, подмигнул каменному льву, мимо которого он прошел, сел в коляску, развернул свежую газету. То, что он прочел, мгновенно испортило ему настроение: «2 июня в Берлине на Унтер дер Линден доктор Карл Эдуард Нобилинг выстрелил в императора Вильгельма I дробью из окна второго этажа дома № 8, в результате чего легко ранил императора. Состояние здоровья его высочества удовлетворительное».

Эберхарду захотелось в Вальдбург, в его старинную библиотеку, отвлечься от возникшего внутреннего беспокойства под пение птиц в беседке посреди ставшего зарастать пруда. Граф старел, сын его не разделял любви к Вальдбургу.

16

Лена взглянула на Пауля и увидела в его глазах удивление, вызванное впечатлением от картин Андрея Ясенева, не меньшее своего. В работах художника было много неба, гораздо больше, чем можно было увидеть даже с открытой площадки у его дома. Это небо было ярче, насыщеннее, и было видно, что значило оно в жизни художника гораздо больше, чем в жизни обычного человека. Небо звало зрителей картин открыться чему-то большому, может быть, даже великому, вопрошало, требовало ответа, лишало покоя, давало уверенность, говорило о вечном, растворяло альтернативы, умиротворяло и сопрягало. Космическая синева глубин и высот захватывала дух, золотистые переливы теплой близости неба напоминали о бесконечной щедрости Божьей и возможности преизбыточествующей жизни и подлинности бытия.

Картины Ясенева будили в душе неясную тоску и побуждали душу на активность.

Художник был немногословным. «Зачем ему еще и говорить, - подумала Лена, - он так много сказал своей кистью».

«Русская душа, - размышлял Пауль, - живет над землей, она устремлена вверх, к небу, мало обращая внимание на то, что под ногами, но способна не только мечтать о прекрасном, но и создавать его».

Пора было расставаться с этим удивительным миром, ехать в Калининград и хотелось увезти с собой частичку этого Вальдбургского неба. Пауль спросил, можно ли купить приглянувшуюся ему работу с уголком парка Вальдбург под огромным небом. Андрей Яснев стал упаковывать картину, а Лена и Пауль благодарить и прощаться. Художник принес бутылку с коньяком «Вальдбург», который производится в поселке Прибрежном, маленькие рюмки со словами: «На посошок!» Глоток «Вальдбурга» обжег рот, как прощальный поцелуй, волна горячего солнца

прокатилась по телу, удивительным образом по-родственному сближая встретившихся.

17

Внук Эберхарда I Эберхард Болько фон Дона стал последним владельцем имения Вальдбург. Он стал проживать в Вальдбурге с 1938 года, лишь изредка посещая Кенигсберг, где стал усиливаться нацистский разгул. Поджог синагоги на острове окончательно укрепил его решение поселиться в Вальдбурге. Сюда он привез радиоприемник, предпочитая узнавать новости по радио.

Шел октябрь 1944 года. Войска Красной армии вели наступательные бои. Болько сидел в своей старинной библиотеке, собранной многими поколениями Вальдбургов и Донна. Он достал с книжной полки роман русского писателя Льва Толстого «Война и мир». Открыв наугад книгу, граф Болько стал читать графа Толстого. Князь Андрей Болконский делился с Пьером Безуховым на Бородинском поле своими соображениями. «Эти господа немцы завтра не выиграют сражения, а только нагадят, сколько их сил будет, потому что в его немецкой голове только рассуждения, не стоящие выеденного яйца, а в сердце нет того, что только и нужно... Они всю Европу ему отдали и приехали нас учить – славные учителя!»

Князь Андрей имел в виду Карла фон Клаузевица, которого хорошо знал далекий предок Болько по материнской линии Фридрих Людвиг III Вальдбург, на дневники которого обратил внимание Болько его дедушка. Граф Болько разыскал на полке книгу «О войне» фон Клаузевица, изданной в 1833 году, пробежал глазами биографию. После того, как прусский король был сметен с престола «корсиканским чудовищем», Клаузевиц присягнул на верность российскому императору Александру I, служа ему, пока не был изгнан из Пруссии «узурпатор». После Бородинского сражения Клаузевиц был награжден Александром I орденом Святой Анны и позже отмечался другими знаками отличия. Вместе с Шарнхорстом и Гнезенау Клаузевиц боролся за объединение Германии под властью прусского короля. Открыв также наугад томик Клаузевица, Болько прочел: «Россия не та страна, которую формально завоевав, возможно долго удержать» и закрыл книгу. «Нужно бежать, - размышлял граф, - нужно понять, что взять с собой». Сделав необходимые приготовления, Болько отпустил прислугу, вывел из конюшни двух тракененских скакунов, погладил рукой клеймо на крупе в виде лосиного рога. Его путь лежал на Бранденбург и дальше на Запад.

18

Художник, Елена и Пауль вышли из дома. Андрей повел гостей показывать ясьень толщиной в пять с половиной метров в обхвате и возрастом в примерно двести пятьдесят лет. Решили под ним сфотографироваться.

Лена и Пауль снова нырнули в тень Лосиной аллеи, а перед глазами стоял домик художника и его небо на картинах, залитое солнцем пространство у дома. Было слишком много впечатлений, чтобы еще что-то

говорить. Сели в автобус на Калининград. Через остановку в автобус вошел мужчина с удочкой в руках, сел за Леной. Обернувшись, она спросила, удалось ли ему что-либо поймать и ловится ли в озере, мимо которого они проезжали, форель. Он ответил, что сам улов его мало интересует, с удочкой в руках он просто отдыхает, и сегодня ему ничего не удалось поймать, а форель иногда ловится, во всяком случае ему приходилось пару раз ловить ее. Но лучше всего выйти на остановке «Асфальтовый завод», пройти по дамбе к нерестово-выростному хозяйству и получить удовольствие от необыкновенной красоты форели, когда она поднимается из глубины к поверхности воды. Там же можно и купить форели, хотя и стоит она дороговато.

Лена рассказала тоже самое для Пауля по-немецки. Автобус подходил к Калининграду, наступало время прощаться.

Пауль сказал:

- Ты знаешь, мой пятилетний сын, когда мы с ним едем по Гамбургу, больше всего любит смотреть на башни и шпили церквей, проявляет к ним большой интерес, его лицо обращено к небу.

- Дети сейчас удивительные, - ответила Лена.

Она обняла Пауля. Словно читая ее мысли, он ответил на не заданный вслух вопрос: «Я приеду в следующий раз в июне». Пауль прижался губами к ее щеке, наслаждаясь чувством родственности с этой женщиной с серо-синими глазами, в которых стояло небо Вальдбурга.